

Игорь Шиповских

Пять сказок

о временах

Петра I

Новелла-сказка

Игорь ШИПОВСКИХ

Пять сказок о временах Петра I

«Автор»

2024

Шиповских И. Д.

Пять сказок о временах Петра I / И. Д. Шиповских — «Автор»,
2024

Сказки о юности и зрелости, о задоре и смекалке, о мальчишеском упорстве и находчивости, о мире и войне, о чести и долге, о славе русского оружия и рассказных врагов, о семье и служении Отечеству, о становлении личности, и о том, как это порой трудно бывает. А ещё о невероятных приключениях и перипетиях судьбы, о мужестве и отчаянии, о безмерной храбрости и неподдельном почитании, о внезапной любви и долгом расставании, о сжигающей ненависти и безграничной дружбе, и ещё много о чём, что может ждать человека в его невольном странствии на чужбине. А действие происходит во времена царя Петра Великого, который наравне с основными героями принимает участие в остросюжетном повествовании. Иллюстрация обложки: автор текста - Игорь Шиповских

© Шиповских И. Д., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Сказка о Егорушке свет Помидорушке и его радениях на благо	5
Отечества	
1	5
2	9
3	12
4	17
5	21
Сказка о смелой княжне Дарьюшке её семье и царе Петре	25
2	27
3	29
4	31
5	33
6	35
7	38
8	40
9	42
10	45
11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Игорь Шиповских

Пять сказок о временах Петра I

Сказка о Егорушке свет Помидорушке и его радениях на благо Отечества

1

Однажды, в былые времена, в позапрошлые века, когда молодой царь всея Руси Пётр Алексеевич Романов затеялся корабельным делом заняться, случилась одна очень преинтересная история.

Вернулся он как-то из своего очередного военного похода, да тут же пир затеялся устраивать. Уж очень-но наш государь до таких забав охочий был. Собрал он своих близких сотоварищей-сподвижников в сельце Преображенском, что недалече от столицы на речке Яузе располагалось, да повелел столы выставлять. А там к той поре была уже небольшая крепость Прешбург выстроена и целый полк царёвых солдат квартировался.

Ну а, как известно, сам государь в том полку в чине унтер-офицера состоял, вот и решил он со своими солдатами, с коими службу тяжкую нёс, своё возвращение отпраздновать. Сделали всё как положено, столы накрыли, еды, яств всяких понаставили, напитков сладких и горьких принесли, сидят да пируют. Всё чинно и пристойно, но вот только посередь пира, глядь, а рыба-то и закончилась. Что делать, где ещё взять, как же так без неё, и закуска уже не закуска. Ну, тут царь со своего места поднимается и говорит.

– Эх, братцы, ... что носы повесили, ... что мы сами рыбки не наловим!? Вон на Яузе ялик стоит, а ну давай пошли со мной, ... враз споймаем, а заодно и под парусом пройдемся! Уж так мне этого хочется! – сказал Пётр и как отрезал. Взял с собой троих верных сотоварищей, Алексашку, Франца да Фёдорущку Головина и пошли они на реку. А всем остальным было велено пир продолжать да государя ждать.

Вот пришли они на мостки. А караульный, что за яликом следить был приставлен, отвязал его, снарядил, именитых гостей в него усадил, да за рыбкой отправил. Однако Петру не так рыбка нужна была, сколько ему под парусом пройти хотелось. Давно он по родной речке Яузе не ходил, уж больно соскучился. Идут они, вверх по течению поднимаются, а кругом природа такая что залюбуешься. Воздух свежий, прозрачный, берёзки белые стоят аж светятся, а над водою ивы низко склонились, будто государя приветствуют. А уж рыбка-то здесь так и плещется, прям сама в лодку запрыгнуть норовит. Государь на корме стоит, вперёд смотрит, корабликом управляет, радуется, родным воздухом никак надышаться не может, и всё ему благодать.

– Ах, как же хорошо дома, ... как привольно дышится, ... и воевать-то более не хочется! Ну, ничего, ... вот флот отстроим, Русь-матушку укрепим, ... никто к нам не сунется, ... средь всех первыми будем, ... тогда и отдохнём! – воскликнул царь на такую-то красоту глядячи. Настроение у него приподнятое, восторженное. И тут на тебе, смотрит, что такое, навстречу его ялику из-за поворота, вниз по течению лодчонка утлая выворачивает, и прямо наперерез направляется. Да даже и не лодчонка это вовсе, а так, какое-то недоразумение, хотя и под парусом. Да ещё и несётся-то столь лихо, что волны по разные стороны пенными бурунами разлетаются.

– Это ещё что за дела!?... Откуда здесь сей кораблик взялся?... ведь не было тут никого! Кто таков?... Как посмел? Ах ты, шельмец!... Смотри куда прёшь! – кричит ему царь, а сам давай быстрее от него уклоняться. И вдруг тот утлый кораблик берёт да одним махом прямо здесь же на ровном месте разворачивается, и от царёва ялика на всех парусах драпать ринулся. Ну, тут государь вообще в изумление впал.

– Смотри-ка, каким проворным оказался! Надо же, как крутанулся каналья,... да ещё, и сбежать норовит! Вот как кораблём править надо!... Берите пример! Это же надо, какой мастак, вот так хитрец!... А ну догнать шельмеца! – кричит царь, ругается, ялик свой выравнивает да в погоню за беглецом нацеливает. У государя-то судёнышко справное для таких манёвров привычное, и понятное дело он на следующей же излучине лодчонку ту утлую нагоняет, да и к берегу её прижимает. Но не тут-то было, лодчонка та, словно мылом мазанная из тисков государевых выскользнула, да вмиг в сторонку отплыла, и к берегу пристала. А из неё мальчуган малорослый выскочил да тут же в соседний лесок и юркнул. А царский-то ялик промахнулся да бортом в прибрежную насыпь уткнулся.

– Ах, ты пострелёныш! Ну, нет, не уйдёшь! А ну-ка за ним! – крикнул царь сотоварищам, а сам от такого ора чуть с ялика не свалился. Ну, друзья-то его разом за борт повыскакивали да за мальчуганом рванули. Пётр вроде успокоился, вздохнул, из ялика степенно вылез и пошёл на ту лодчонку, что так ловко его обошла посмотреть. Подходит к ней глядит, и понять ничего не может.

– Что за чудеса! Да как такое вообще на плаву держаться может,... да ещё и под парусом ходить! Ну, это же корыто поросячье,... только большое,... это как же надо быть учёным, чтобы простое корыто под кораблик приспособить! – усмехается царь, дивиться, да головой качает. А пока он лодчонку рассматривал сотоварищи его того огольца поймали да к нему привели. Ну а то, как же, три таких здоровенных облома да одного мальчонку малого не догонят, конечно, догнали. Держат его за руки, а сами хохочут.

– Чего смеётесь, верзилы? – спрашивает их царь, да на мальчика смотрит, хмуриться.

– Да как же не смеяться, Мин Херц, когда он в лесу засаду нам устроил! Забежал в ельник спрятался там,... а как мы мимо него пробежать стали, так он к нам наперерез с палкой выскочил и давай ей, словно саблей, в нас тыкать,... да ещё и кричит, защищайтесь, мол,... меня просто так не возмёшь! Насилу эту палку у него из рук выбили да скрутили вояку,... ох и упорен! – посмеиваясь, ответил Алексашка.

– Ага! Так вот он каков значит, пострелёныш наш! Ты это почто в моих людей палкой тыкал, а меня самого чуть своим корытом не потопил! Да ты хоть знаешь, кто я такой и как со мной обращаться должно!? А ну отвечай? – глядя, как смело на него смотрит мальчуган, напускно строго, но хитро улыбаясь в усы, прикрикнул насупившись Пётр.

– Ха,... да как же тебя не знать! Конечно, знаю,... а вот ты знаешь ли, как про тебя у нас в сельце говорят? Нет?... а я тебе скажу; плывет кораблик, а над ним две мачты торчат, одна из сосны, а другая из царской головы,... во как сказывают! А потому так говорят, что ходишь ты, каланча каланчой, и тебя за версту видать,... так как же тебя не узнать,... государь ты наш! Но только как бы ты на меня не смотрел да хмурился, я тебя не боюсь,... не приучен я к этому,... уж так меня отец с матерью воспитали! А теперь делай со мной что хочешь,... будь что будет, ... хошь, наказывай, хошь, милуй!... я ко всему готов! – намного смелее, нежели чем ожидал Пётр, отвечает ему оголец.

– Ах, вон ты как! Ишь разговорился,... но-но приподержи язык-то,... готов он ко всему! Да я как погляжу отчаянный ты! И кто же твои родители, что такого смельчака воспитали? – ещё больше поразившись храбрости мальчугана, вновь спрашивает его государь, но уже добрее.

– А родители мои люди простые,... отец у тебя в Преображенском полку солдатом служит,... а матушка помогает ему, кухарка она при крепости, суп да кашу варит. Так что я сын

солдатский и бояться не привык... – с гордостью в голосе, видя, как уважительно поглядывает на него Пётр, воскликнул малец.

– Ну, это хорошо,... это меняет дело! Раз уж твой отец отчизне служит, значит, он для меня верный друг, а коли он мне друг, то и ты мне товарищ,... и наказывать я тебя не стану! Отпустите его братцы,... нам с ним есть о чём потолковать... – взмахнув рукой, повелел друзьям Пётр и, подойдя к мальчугану, продолжил.

– Это как же так вышло, что ты на корыте по речке под парусом ходить научился? Кто же тебя на это надоумил,... кто подсказал? – сходу спросил государь.

– Да никто меня государь не надоумил,... это я сам сообразил,... подглядел, как твой ялик устроен, да и приспособил старое корыто под это дело! И ведь неплохо получилось,... ну, скажи... – немного бахвалясь и задирая нос, заметил оголец.

– Да слов нет, как ловко ты управляешься с корытом,... проворно это у тебя получается! Однако как же ты на нём ходишь и не переворачиваешься,... ведь оно не устойчивое,... кля-то на нём нет!? – опять вопрошает царь.

– Так тут всё просто государь,... ведь я вместо кия камни к днищу на скобах прикрепил! Они у меня навряд противовеса служат, и перевернуться не дают,... потому-то и манёвренность увеличилась! Так мне теперь, и по излучинам ходить удобно, и мели миновать сподручно,... а такое преимущество на Яузе первое дело... – показывая на свою лодчонку, пояснил малец.

– Ну и смыслёный же ты,... да ещё и разные словечки корабельные знаешь,... словно какой заправский моряк! И все-таки, зачем же ты по речке ходишь,... что тебе в этом проку? – продолжая поражаться мальчишеской сноровке, вновь спрашивает государь.

– Как это зачем,... а рыбку-то ловить надо! Вон я после обеда чуток порыбачил, и смотри-ка, сколько уже натаскал! И щучка-то у меня есть, и карась, и даже судачок здесь! – одёрнув полог с коробочки стоящей на дне лодки, показывая улов Петру, хвастливо заявил малец. А там рыбы видимо невидимо, полнехонька коробочка.

– Да уж, улов у тебя знатный! А мы с сотоварищами как раз за рыбкой отправились,... она у нас на пиру закончилась, вот и пошли,... ну а ты для кого столько рыбы наловил? – увидев богатую добычу, оживился царь.

– Так для матушки и наловил,... чтобы она её для солдат готовила, а у них от неё сил прибавлялось! Ведь для служивых это важнее всего! – широко улыбнувшись, толково ответил юнец.

– Ух, как ты по-хозяйски рассуждаешь,... молодец! Признаюсь тебе,... по нраву ты мне пришёлся,... умен, честен и храбр не по годам! Правда чуток хвастлив,... ну это ничего пройдет, когда познаешь почём фунт лиха! Ну и как же тебя зовут, герой? – по-отечески похлопав мальчугана по плечу, спросил Пётр.

– Матушка зовёт Егорушкой, а отец Егором кличет! Так что, ты какое имя хочешь, такое и выбирай! – быстро ответил оголец и вытянулся перед Петром, словно солдат на плацу.

– Ну, это уж как получится,... коль по-доброму, да хорошему настроению так Егорушкой будешь,... а уж как озорничать начнёшь да сердить меня станешь, так Егором назову! Ну да ладно,... давай-ка мы сейчас с тобой вот что сделаем,... гони-ка ты своё корыто к крепостным мосткам, а мы с моими молодцами за тобой на ялике пойдём да посмотрим, как ты с парусом управляешься. А у крепости на мостках встретимся да к твоей матери на кухню рыбку отнесём,... пусть-ка она нам из неё жаркое приготовит,... там и потолкуем. Есть у меня на счёт тебя одна задумка... – важно подкрутив ус, заметил царь и, более ничего не сказав, хитро подмигнул. На том они и расстались.

Егорушка запрыгнул в свою лодчонку, да быстрее расправив парус, повёз улов матушке, а государь со сподвижниками за ним следом отплыли. И пока они за Егорушкой шли, Пётр всю дорогу внимательно наблюдал, как тот своим утлым корабликом правит да паруса на нём

ставит. Наблюдал да всё удивлялся, как же такой юный малец может быть, так навигацкому делу обучен. Ну а уже вскоре они все вместе подчалили к мосткам, и, захватив с собой короб с рыбой, отправились к Егорушкиной матушке на кухню.

Правда по ходу они ещё успели заскочить к пирующим друзьям да сообщить им, что рыбка поймана и скоро будет поджарена. Ну а пирующие увидев вдруг государя, разразились радостными криками «виват», да давай его за стол усаживать. Однако государь рассиживаться не стал, и уже через несколько минут покинув застолье, очутился на кухне, где с сотоварищами и рыбой предстал пред матушкой Егора. А тут уж и отец Егорки подоспел, прослышал он, что царь с его сынишкой на кухню направляются вот и примчался быстренько.

– Ага, значит все в сборе! Ну, вот и хорошо! А мы вам рыбки наловили, ... хотя главный-то улов конечно не в ней! Отправился я за рыбкой жирной, а поймал-то добычу поважней! Улов у меня ныне такой получился, что я его теперь уж от себя никуда не отпущу! Что так растерянно на меня смотрите, ... да я ведь про вашего сынка молвлю! – усмехаясь, воскликнул государь, да на Егорушку его же родителям и показывает. А те прижались друг к дружке, стоят глазами хлопают, понять ничего не могут, о чём это царь говорит.

– А что он такого натворил-то?... ах он оголец, ... ведь ругаешь его, бранишь, коришь, а он всё за своё, ... делает, что ему вздумается, и никакого сладу с ним нет! Ты уж прости его государь, ... мал он ещё, ... а я тебе отработаю коли он, что напортил, ... вон сейчас скоренько рыбки нажарю-напарю, ... одно объеденье будет... – уж и, не зная как умаслить царя, взмолилась матушка.

– Напрасно ты мать на него наговариваешь, ... ничего он не испортил, ... а даже наоборот такую штуку умудрил, что многим учёным мужам и в голову не придёт! И ты брось думать, что он у тебя молод, ... ничуть не молод, ... самые те его лета, ... а по уму он, так вообще фору любому из нас даст, ... одним словом молодец! Я в его возрасте вот здесь, на этом самом месте, уже потешным войском командовал, ... так что и он у тебя на многое горазд, ... а потому есть у меня на него особые виды! Задумал я в Голландию с Великим посольством ехать, ... посмотреть, как они там корабли строят, ... как верфи свои мастерят, ... да и ещё, по кой каким военным надобностям. Так вот, ... раз уж у вашего Егора такой смекалистый интерес до корабельного дела проявился, то решил я его с собой взять! Мне сейчас такие разумные молодцы ох как нужны, ... я ныне флот намерен поднимать! Так они мне теперь поважнее любого золота будут! А вы для себя рыбку уж как-нибудь сами наловите, ... так что собирайте молодца, ... уедет он от вас! – довольно разулыбавшись, объявил царь Егорушкиным родителям свои намерения. Да тут же и обнял их как самых близких, в знак благодарности за то, что они такого сына вырастили.

То-то тут сразу переполох начался. Матушка в слёзы. Как так, дитя малое от подола отрывать. А отец, наоборот, в радость кинулся. А то как же, ведь из его сына самому царю, верный товарищ получится. В общем, заголосили они, кто во что горазд, однако рыбку всё же пожарили. Ну а потом и пир продолжили, только теперь уже вместе с Егорушкой и его родителями. Рыбу ели, вино пили, да тосты говорили, и не абы какие, а за появление нового смышленного ученика корабельного мастерства. Вот так всё и было, ни дать ни взять, ни убавить ни прибавить, сушая правда.

2

А вскоре всё вышло именно так, как и замышлял наш государь. Собрал он Великое посольство, снарядил попутчиков из числа своих друзей, и отправились они в Голландию в город Амстердам на верфи корабельные. Ну и, разумеется, Егорушка с ними. А пока добирались, царь, чтобы времени зря не терять, стал Егорушку разным военным премудростям обучать, да кое-какие секреты по постройке судов, что сам знал показывать. Так за делами усердными да за заботами учебными дорога быстренько и промелькнула, они и заметить не успели, как в Голландии оказались.

Прибыли в Амстердам вовремя, в ту пору как раз на стапелях новый корабль закладывали. И всё посольство, каждый его человек, сразу за дела принялись. Царь с сотоварищами тут же за топоры и пилы похватались да на стройку мастерить понеслись. Прочие попутчики, какими другими важными делами занялись, а вот Егорушка за бумагу-пергамент, да за перо с чернилами взялся. Ходит по верфям за государем, по стапелям за ним лазает, всё выглядывает, высматривает, да себе в схемы записывает, где что делается, да как что прищандоривается. Так все и трудились с утра и до ночи не покладая рук, науку строить корабли постигали. Уж неделя прошла, другая, а они всё в трудах да в трудах.

Но вот первый пыл слегка спал, и стали они нет-нет да в кабачок, что по соседству располагался заходить. Горлышко горьким вином промочить, вкусных яств отведать, посидеть-подумать, обсудить кой чего, на людей посмотреть да себя показать. А надо отметить, что кабачок тот, чистый, уютный и опрятный был, да и по своему убранству и разнообразию блюд царю очень по душе пришёлся. И что интересно, его хозяин, всегда и везде, всяких разных цветков во множестве выставлял, и на дубовых столах, и на широких подоконниках и даже умудрялся к потолку их подвешивать.

Были тут и громадные пионы, и невзрачные лютики, и ароматные фиалки, и стройные гладиолусы, да что там говорить, любых бутонов было полным полно, уж так сильно в Голландии цветы любят. Но особенно, среди всех цветков выделялись те, что росли в глиняных горшках на широких подоконниках, вот те были особенно странны и необычны. А скорее то были даже и не цветы, а так небольшие зелёные кусты. Кое-какие из них с ярким жёлтым соцветием стояли, а какие уже ягодками золотого цвета размером с огромную горошинку обзавелись. Уж такие необыкновенные растения были.

И вот как-то однажды ближе к вечеру после очередного трудового дня государь с сотоварищами по своему обыкновению решил в кабачок зайти, дабы кое-что отметить. Тут-то ему на глаза эти кустики и попались. Ну и, конечно же, по резвому своему любознанию Пётр не удержался, чтобы не посмотреть на эти незнакомые ему растения. Уж больно у него до всего интерес был. Подходит он с друзьями к одному из таких кустов, а на том уже круглые жёлто-золотые плоды созрели, смотрит царь на них да дивиться.

– Ха,... горох что ли,... чёй-то я не пойму? И какой с них толк? А скажи-ка ты мне, хозяин, что это у тебя тут за такие причудливые кусты обитают,... на что они тебе? – спросил Пётр у подоспевшего к ним кабатчика.

– О, это такой редкий цветочек,... мне его мой итальянский друг из Испании привез,... говорит, сейчас это очень престижно держать его у себя! Вон смотри, какие у него забавные плоды,... круглые, наливные, словно золотые яблочки. А мой друг их на свой лад называет «помидорами». Это так на его языке «золотое яблоко» звучит. Хотя наши соседи французы говорят что это «яблоки любви». Я уж и не знаю, почему им везде любовь мерещится, но только для нас голландцев эти «помидоры» просто цветы на подоконнике... – довольно разулыбавшись пояснил хозяин.

– Да уж, ... интересный цветочек-кусточек! Как я погляжу, он тут вас всех объединил, ... надо будет и к нам такой же отвезти, пусть-ка мои бояре на него глядячи миром заживут! Ну да ладно, это всё потом, ... а сейчас принеси-ка ты нам на стол своего самого лучшего вина да доброй закуски! Есть у нас сегодня повод кой-чего отпраздновать, ... тут один молодец отличился! – весело отозвался Пётр да стал с сотоварищами за стол усаживаться. И сели-то они аккуратно за тот самый, что рядом с помидорами стоял.

А надо отметить, что кабатчик был прав, говоря о происхождении помидоров. Их первые кусты попали в Европу из Америки, а завезли их туда именно испанцы. Поначалу помидоры имели не красный, а жёлто-золотой цвет и напоминали крохотные яблочки. Вот поэтому-то их и стали называть «помидорами». Итальянцы говорили «помо д*оро», то есть «золотое яблоко», а французы ещё красивее – «помо д*амур» что значит «яблоко любви». Да-да, именно так всё и было.

А меж тем Пётр с сотоварищами уже получили свои заказы и начали пировать. Егорушка как всегда занял место по правую руку от государя. Сидит, тосты слушает, а что умное услышит, себе на ус мотает. Сам вино не пьет, молод ещё, только морс похлёбывает. А тосты-то разные звучат, но все про Егорушку.

– Сегодня ты важное дело совершил, свой первый чертёж корабля составил! С того и начинается твой путь в великое будущее! За тебя сегодня и чарку пеним! Быть тебе капитаном флота Российского! – воскликнул государь да бокал вина за Егорку поднимает. Выпили все, прокричали «ура», да давай снова бокалы и чарки наполнять. А в запале-то всё поперепутали, да и в Егорушкину чарку невзначай вина налили. Но никто на это внимания не обратил, все сидят и дальше пируют. Но вот друзья давай опять тосты говорить да чарки поднимать, ну а Егорушка по своему неведению чарку с вином-то и поднял.

Берёт её, да будто он взрослый мужик, одним махом и выпивает. А вино-то горькое, крепкое, горло ему сразу и перехватило, жжёт неимоверно. А он чарку-то пустую из рук выронил, вскочил, вздохнуть бедняга не может, глазёнки вытаращил, аж слёзы выступили. Смотрит по сторонам, ищет, чтобы ему такого схватить да закусить. Со стола-то брать боится, а вдруг и в другой чарке тоже вино налито. Да не нашёл ничего лучшего как схватиться за первое что ему под руку подвернулось. А под рукой-то у него как раз тот куст с помидорами очутился.

Рванул он с него ягодки золотые, да и давай их тут же жевать. А они сочные, спелые, да ещё и вкусные оказались. Ну, Егорушка хват ещё ягодок и опять давай нажёвывать. У него всё сразу и отлегло. А царь с сотоварищами смотрит, как он смачно заморские плоды поедает, и ну над ним смеяться. Хохочут все, заливаются. А на их смех из кухни хозяин-голландец выскочил. Увидел он, как потешно выглядит Егорушка его кусты объедая, да и тоже рассмеялся.

– Да ты что же творишь! А вдруг тебе плохо станет! Их же не едят, ... это же цветы, а не закуска! – немало поразившись такой картине, весело хохоча, воскликнул он. И ведь опять был прав, потому что первые помидоры больше ценились как декоративные цветы-афродизиаки, выращивались в простых горшках на подоконниках, и их, конечно же, тогда ещё никто не ел. А вот наш Егорушка был первый, кто вкусил этот плод, и остался очень доволен.

– Чего смеетесь-то, ... возьмите да сами попробуйте! Вон, какая вкуснотища, ... не то, что репа да горох! – прикрикнул он на хохочущих товарищей да дал им несколько ягодок на пробу. Ну, те отведали странного плода, да подивились его необычному вкусу. А особенно царь.

– Да уж, ... действительно необычно, ... изрядно прилично и выглядит экзотично! Ах ты, Егорушка, ну надо же открыл для нас вкус помидоров! Хвала нашему храброму первооткрывателю Егорушке свет Помидорушке! – продолжая веселиться и радоваться такому неожиданному открытию, провозгласил новый тост государь. Всё подняли бокалы, но только сам Егорка теперь уже пить не стал, ему и одного раза хватило. Да и в последующем он не очень-то вино жаловал и редко когда к чарке прикасался. А вот его весёлое прозвище «Помидорушка» после того раза так за ним и закрепилось. Ну а то как же, ведь ему его сам государь даровал. Так с

той поры и стали его звать-величать, с уважением и с любовью, Егорушка-Помидорушка. Но и на этом наша история не заканчивается, а скорее только начинается.

3

Прошёл год, Великое посольство, выполнив своё предназначение, свернулось да из Голландии домой возвратилось. Однако государь Пётр Алексеевич на этом не успокоился, а сейчас же для Егорушки новое поручение затеял. Собрал царь вокруг него таких же, как и он молодых, сноровистых да рьяных подростков, и отправил их в заграницу на капитанов учиться. Уж такова была воля государева.

– Корабли мы уже и сами строить можем, а вот кто ими управлять станет!? Нет у нас пока ещё своих капитанов на морские суда,... вот вы выучитесь и первыми будете! Так что поезжайте, да отчизны не посрамите,... учитесь с толком и разумом! Ныне от вас будущее флота Российского зависит! – напутствовал их Пётр, да перекрестясь проводил отроков в дорогу дальнюю. И поехали они легко и споро, а потому уже вскорости на месте были. По приезде в заграницу Егорушка времени тратить зря не стал и немедля взялся за освоение самых важных и трудных морских наук.

Учился он исправно и терпеливо, с особым прилежанием и карпением, не зная усталости. А такие сложные науки как фортификация, лоция и навигация, он с упорным рвением постигал, чем очень удивлял своих заграничных профессоров. Равных ему в постижении тайн и секретов морского дела не было. Его усердию, смётки, старанию и прозорливости могли бы позавидовать выдавшие виды моряки и капитаны. С таким ревностным отношением к науке и столь истовой целеустремлённостью ещё никто не учился. А своей любознательностью и жаждой к новым знаниям он превзошёл даже самого царя Петра.

А меж тем время шло, годы летели, а Егорушка всё рос да развивался, и в конечном итоге вытянулся, окреп, набрался сил, знаний и превратился в настоящего красавца. Теперь он уже не был похож на того малорослого и угловатого подростка за коим царь на ялике по Язузе гонялся. Сейчас, то был высокий, стройный и подтянутый юноша с отменной осанкой и военной выправкой. Уж такой молодец получился, что просто загляденье.

Хотя одна его особенность так и осталась неизменной, это его прозвище «Помидорушка» данное ему самим Петром. Оно было ему так дорого и ценно, что он уже, наверное, и не смог бы без него обходиться. Оно ему нутро согревало, сердце будоражило и напоминало о его родном доме, о близких, о государе и святом долге перед Отечеством. Честно говоря, за все его годы обучения, ему эта заграница уже изрядно надоела, и его с неудержимой силой тянуло назад домой, в Россию. Уж очень он соскучился по родным краям, их вольным просторам, лесам и долам. Томила его душа на чужбине, в государстве иноземном.

Но вот пришёл срок, и его обучение подошло к концу. Нечему ему было больше учиться у тамошних профессоров, превзошёл Егорушка все их науки, не осталось для него ничего тайного в морском деле. И он, не дожидаясь особого распоряжения, вместе с другими царёвыми посланцами быстро собрался да и домой отправился. А надо отметить, что пока Егорушка с сотоварищами знания получал да ума набирался, государь Пётр Алексеевич тоже не бездействовал, и к той поре как они отучились, он в устье Невы на выходе к Балтийскому морю новый стольный град поставил и назвал его Санкт-Петербург. Вот в том новом и ещё строящемся городе он их и встретил. А уж встречу такую устроил, что доселе ещё не было. Конечно же, пир роскошный затеял и немалый бал затеял. Но только пир тот непростой был, а по тем временам особенный, с новыми европейскими танцами, модными заграничными нарядами, да музыкой непривычной.

Однако теперь всё это, вовсе и не пиром с балом называлось, а ассамблеей. Ну а так как город продолжал обустраиваться, и особо подходящих мест для ассамблей не было, то проводили их на новых строящихся кораблях, что пока ещё на верфях в стапелях стояли. Вот на одном из таких кораблей и устроили бал-ассамблею по случаю возвращения Егорушки и

его сотоварищей, первых капитанов флота Российского. Там-то государь их и встретил, а как встретил, так сразу же и давай их обнимать, целовать, да поздравлять. Ну а как поздравил, так Егорку в сторонку отвёл да разговор с ним затеял.

– Молодец Егорушка-Помидорушка, отучился, прибыл! Наслышан я о твоих достижениях,... не удержались заграничные профессора, отписали мне об успехах твоих,... хвалили изрядно! А мы вон видишь, город возвели, корабликов понаделали,... как раз к вашему приезду подгадали! А на следующих днях военный фрегат на воду спускать будем! Вот ты его и примешь,... быть тебе на нём капитаном! Тогда же и в море выйдем, на широкий простор,... возьмём с собой почётных гостей, свежим воздухом подышим,... выучку свою покажешь, да меня порадуешь! Ну, это всё через неделю,... а сейчас гулять будем, и тобой любоваться,... вон какой молодец вымахал,... теперь, небось, сам как каланча ходишь, за версту тебя видать! – весело шутя, воскликнул государь, припомнив ему их первую встречу.

– Ну да,... скажешь тоже государь,... мне тебя никогда и ни в чём не превзойти,... ни в росте, ни в уменье быть выше всех,... ты для меня во всём идеал! – тоже вспомнив былое, весело ответил Егорушка. И они, словно и не было этих долгих лет расставания, живо взялись за обсуждение текущих насущных тем, говорили обо всём, и о море, и о штормах, и о кораблях, и даже о Европейском политесе. Так и стояли они на палубе недостроенного корабля и всё говорили и говорили, а вокруг них весело шумела ассамблея.

Танцы и светские беседы были в самом разгаре. Рядом сновали солидные танцевальные парочки и легкомысленные молоденькие дамочки. Юные дамочки были разодеты в новые пышные наряды и затянуты в тугие модные корсеты, но это им никак не мешало разглядывать новоявленного капитана – красавца Егорушку. Их нескрываемое любопытство к нему так и бурлило, выплёскиваясь за края приличия. Да это и немудрено, ведь то были некогда простые, маленькие девчушки из дворянского сословия, которые так быстро подросли за время его отсутствия. И теперь они, глядя на Егора, видели в нём чуть ли ни сказочного принца прибывшего из дальних странствий.

Высокий, статный, красивый, в расшитом капитанском камзоле с золотыми пуговицами, да ещё и с самим царём беседу ведёт, ну чем не первостатейный жених. Ох, уж эти романтические и влюбчивые девицы, как же они хороши в своей непосредственности. Но вот Пётр Алексеевич заметил томные взгляды раскрасневшихся девушек и рассмеялся.

– Эх, Егорка, да я, верно, тебя от веселья отвлекаю,... да ты только посмотри, как наши девицы на тебя посматривают! Ну, всё, довольно деловых бесед,... не за этим мы ныне здесь,... давай-ка развлечёмся всласть,... идем, пропустим по чарке да танцевать зачнём! – воскликнул государь и пошли они к столам с яствами. Правда Егорушка остался верен себе, и вина пить не стал, а вот в танцы пустился с удовольствием. Его успех у ассамблейных дамочек был феноменальным, они наперебой стремились его пленять и ангажировать. Ну а вскоре он уже и сам с головой ушёл в развлечения кои в ту пору были приняты на ассамблеях.

Светские разговоры и общение с разодетыми придворными девицами на какое-то время захватили Егорушку. И всё бы ничего, и быть может он так бы и продолжил с ними танцевать, однако никто из них ему не понравился. А потому все они быстро ему надоели, и он отошёл в сторонку. И вот тут-то оставшись в одиночестве, с ним вдруг приключилась забавная штука, он внезапно для самого себя обратил внимание на совсем ещё юную светловолосую девушку, скромно стоявшую особняком чуть поодаль ото всех.

Неспешно обмахиваясь веером, она, немного потупив взгляд, что-то говорила невысокой пожилой даме, коя находилась рядом с ней. Егорушка даже и разбираться не стал, что это за дама и кем она девушке приходится. Тётушка ли это, или матушка, ему было всё равно, и он моментально устремился к юной деве. То был неподвластный его воле порыв, его будто кто свыше подтолкнул к этому. И он, подлетев к ней словно на крыльях, наспех отрекомендовав-

шись, мгновенно пригласил её на танец. Согласие было тут же получено, и они вмиг закружились в быстрых пируэтах кадрили.

Егорушка до глубины души был поражён красотой этой милой девушки. И он уже не мог понять от чего у него больше кружиться голова, толи от её ласкающих голубых глаз и сверкающей белоснежной улыбки, толи от самой кадрили. Сердце его пылало, и было готово выскочить из груди, мысли путались, кровь стучала в висках, и он с большим усилием сохранял самообладание. Он ещё до конца не мог осознать, что с ним происходит, а приятное ощущение счастья уже растекалось по всему его телу.

Но и девушка при виде столь галантного и уверенного в себе кавалера не смогла остаться равнодушной, и в её душе также дрогнули тонкие струны любви. Оказывается, она уже с самого начала обратила внимание на Егорушку и на его привлекательную внешность, на его манеру держаться, и на то, как он на равных и с достоинством говорит с государем. Однако в силу своей природной застенчивости она в отличие от прочих девиц не осмелилась к нему приблизиться и заговорить. Как раз на это своё качество она и сетовала той пожилой даме, когда Егор вдруг заметил её и пригласил на танец.

И все же, её скромность не стала помехой в том, чтобы она в ритме танца не смогла показать себя во всей красе. Ведь то была всего лишь её лёгкая стеснительность, но никак не врождённая робость, ну а стеснительность танцам не помеха. И уж что-что, а танцевать-то она умела, и даже более того, очень любила.

И теперь они оба захваченные весёлым темпом кадрили всё больше и больше проникались друг к другу милой приязнью и тёплыми чувствами. Их уже прямо сейчас так тянуло быть рядом, что продлись их танец хотя бы на минуту дольше, они бы непременно обнялись и поцеловались. Настолько горячо и страстно они вдруг полюбили друг друга. О да, это была именно она, её величество самая настоящая любовь. Она одним лёгким мановением своих чар овладела их душами и пленила их сердца. Но вдруг музыка прекратилась, кадрили закончилась и настала небольшая пауза перед торжественным полонезом. И вот именно её-тохватило, чтобы молодые люди успели завязать свой первый разговор.

– А вы сударыня прекрасно танцуете! Я был в Европе, и надо сказать таких искусных танцовщиц я там не встречал... – глубоко дыша, стараясь быстрее взять себя в руки, и успокоится от охватившего его волнения, сделал пышный комплимент Егорушка.

– Ну что вы сударь,... ведь это всего лишь кадрили! Вы бы видели меня в мазурке,... уж там-то действительно нужна грация, и умение. А скажите, как долго вы пробыли в Европе? ... по вам видно, что вы тоже преуспели во многих тамошних изысках... – делая ответный реверанс, намекая на Егоркину внешность, улыбаясь, спросила девица.

– Да уж,... долго,... настолько долго, что государь успел возвести новый город, а в его стенах поселиться столь прекрасное создание как вы... – уже полностью отдышавшись от танца, но, всё ещё трепеща от волнения, ответил новым комплиментом Егорушка, и аккуратно взяв девицу под руку, собрался проводить её обратно на место.

– Ну что вы! Вы мне льстите,... я же видела, сколько вокруг вас вьётся девушек,... наверняка я для вас всего лишь одна из них,... просто очередная пассия для танца... – на ходу заметила девушка и вроде даже погрустнела.

– О, нет! Это не так! Это они для меня девушки на один танец,... и это они меня приглашали,... а к вам я сам подошёл! И уж если быть откровенным, то вы мне очень нравитесь,... ну а те девушки для меня ничего не значат! А хотите, я вам это докажу?... давайте сбежим ото всех,... от танцев, людей, веселья! Пойдёмте просто погуляем по берегу,... вдвоём, только я и вы,... и я вам всё объясню... – сам не зная почему оправдываясь перед ней, вдруг смело предложил Егорушка.

– О боже,... сударь, на какой безрассудный поступок вы меня толкаете,... вы же видите, что вы мне тоже небезразличны, и я не в состоянии вам отказать! Впрочем, зачем столько

много слов,... я согласна,... давайте сбежим отсюда... – уже полушёпотом по заговорчески ответила девушка, и они словно совсем маленькие ребятишки тут же играючи улучив момент, попросту удрали с государственной ассамблеи.

А на берегу, куда они сбежали с корабля, дул свежий вольный бриз, волна, пенясь, накатывала на песок, смеркалось, на небе уже выпалили звёзды, и взошла круглоликая Луна. Наступала прекрасная тёплая ночь, что так редко бывает в этих широтах. Ребятам очень повезло, что они сбежали именно сейчас, погода была к ним неимоверно благосклонна. И они, полностью предавшись своим чувствам и мыслям, ничего вокруг себя не замечая, счастливо побрели по берегу.

– Ах, как замечательно, что я посмотрел в вашу сторону,... мне сейчас даже страшно подумать чтобы было, не заметь я вас,... кстати, ведь мы так и не познакомились,... позвольте представиться... – уже было начал рекомендоваться Егорка, как девушка вдруг прервала его.

– Ой, ничего не говорите,... я слышала, как вас забавно назвал государь,... он сказал Егорушка-Помидорушка! Не так ли?... ну надо же, как любопытно... – задорно заметила она и улыбнулась своей очаровательной улыбкой.

– Да, точно сударыня,... так оно и есть,... так меня и зовут,... ну а как же тогда вас, звать-величать?... – тоже разулыбавшись откликнулся Егор.

– А очень просто,... Настенька,... даже как-то и неинтересно,... никакой добавки к имени у меня нет,... хоть бы какую-нибудь там ягоду придумали,... малинка или калинка,... вон как вам государь! А кстати, почему он вас так назвал? – быстро ответив, тут же спросила девушка. И вот тогда Егорушка собрался с духом, да и рассказал ей всю ту историю, что приключилась с ним в Голландии. Услышав её, Настенька весело рассмеялась и стала в ответ рассказывать ему подобный курьёзный случай, что произошёл с её нянькой, как раз той дамой с коей она пришла на бал. А пока она всё это рассказывала ребята и сами не заметили, как перешли на «ты» и стали обращаться друг к другу просто по имени.

А меж тем ассамблея подходила к своему логическому концу и уже раздались первые залпы завершающего фейерверка. Ребята, увидев его, нехотя развернулись и медленно побрели обратно к кораблю. Теперь они просто шли и улыбались друг другу, изредка поглядывая, то на небо, то на море, то на звёзды. Им уже и говорить-то ничего не надо было, они и так всё понимали без слов. Взявшись за руки и почувствовав частоту биения своих сердец, новоиспеченные влюблённые теперь думали только об одном, об их следующей встрече. Так неспешно шаг за шагом они вновь оказались у корабля.

– Когда же мы теперь снова увидимся? – нежно глядя, Настеньке прямо в глаза, спросил Егорка.

– Ах, была бы моя воля, я бы с тобой больше никогда не расставалась! Не могу поверить, что мы сейчас разойдёмся по разные стороны,... я к своей няньке, а ты к государю... – толком и не ответив на его вопрос, грустно сказала она.

– А я государю ныне и не надобен,... он призовёт меня на службу только через неделю, когда фрегат на воду спустят, так что я пока во всём свободен! Говори, где и когда мне быть, и я явлюсь туда незамедлительно! – в страстном порыве взяв Настеньку за руки, воскликнул Егорушка.

– Завтра после обеда мы с моей нянькой как всегда будем гулять в Летнем саду,... это как раз недалеко от нашего дома,... так там давай и свидимся. Только уж ты ко мне сразу не подходи, а погоди, пока я няньку на лавку за рукоделье усажу, да и отойду от неё. А то она увидит нас вместе да про это батюшке и расскажет. А он мне встречаться с молодцами не велит, ... он у меня на этот счёт, ух, какой строгий, очень-но ругаться будет. Думаю, ты всё понял... – опять перейдя на заговорческий тон, тихонько заметила Настя.

– Конечно, понял, как же не понять! Я ведь человек военный и порядок ведаю. А кто же твой батюшка?... может, я его знаю?... так я ему объясню, что у меня плохих намерений нет,

и я к тебе с серьёзными чувствами,... могу же я с ним поговорить? – подтвердив своё согласие, переспросил Егор. Однако услышать ответ он так и не успел. В тот же момент прозвучал последний залп фейерверка, ассамблея закончилась, и с корабля бурной, весёлой толпой стали вываливаться люди. И они с Настенькой внезапно оказались в самой гуще этой гомонящей гурьбы.

– Ага, Егорушка друг мой Помидорушка, где же ты был!?!... Я тебя чуть было не потерял, а ну идём с нами! Я тебе по дороге кое-что порасскажу! – вдруг выплыв из гущи гуляк, прямо навстречу Егорушке, радостно закричал государь Пётр Алексеевич, и тут же крепко подхватив его, увлёк за собой, так и не дав попрощаться с Настей. Бедняга Егор и слова не успел сказать, как вмиг оказался в компании царя и его сотоварищей. Правда и Настенька надолго одинокой не осталась. Буквально через минуту она наткнулась на свою вечно растерянную няньку, и они благополучно отправились домой. Нянька даже и не поняла, что какое-то время её воспитанницы не было на корабле. И вообще, так вышло, что отсутствие Настеньки и Егора почти никто не заметил.

4

Впрочем, это и хорошо, что их прогулка осталась незамеченной, а то наверняка бы разгорелся страшный скандал, ведь Настенька была, не абы какая девица, а родовитого боярина дочь. Совсем непростой девушкой она оказалась. И так уж получилось, что именно в тот вечер её отец, знатный боярин Малахов, уехал в свой удел по срочным надобностям, в противном случае он бы обязательно посетил ассамблею. Ну а уж коли не посетил, то и не видел, с кем там Настенька встречалась, иначе рвал бы и метал, и ужасный тарарам ей устроил, уж больно он грозен да привередлив был, и своей исконной родовитостью дорожил. И, разумеется, дочери, потомственной дворянке, с каким-то там Егорушкой, простым солдатским сыном, видеться не позволил бы. Кстати, о Егорушкиных родителях.

Они так благополучно и служили в сельце Преображенском при крепости, и постоянно получая весточки о достижениях своего сынишки, были очень счастливы. Ведь им, непривередливым людям, для радости этого было вполне достаточно, не то, что Настенькиному отцу, зажиточному вельможе. Тот ведь для своей дочери вовсе другое будущее готовил. Он-то желал выдать Настю замуж за богатого и родовитого дворянина, а не за простого человека.

Однако пути господни неисповедимы и наши влюблённые нашли друг друга без чьей либо посторонней помощи. Само провидение свело их вместе. И они, на следующий день их встречи, как и договаривались, заторопились на намеченное ими свидание. Егорушка, расставшись с государем только далеко за полночь, так и не смог сомкнуть глаз, и до самого рассвета всё думал о Настеньке и их встречи. Вздремнув под утро всего лишь пару часов, он первым примчался на место свиданья. И теперь нервно прохаживаясь по свежевывсаженным аллеям, с нетерпением ожидал возлюбленную.

И вот буквально через полчаса на одной из аллей в сопровождении своей наставницы-няньки появилась Настенька. Егорушка ясно видел, как она что-то быстро говорила няньке и показывала ей на соседнюю лавку. В ту же секунду нянька, вразвалочку подошла к той лавке, уселась на неё, достала из своей котомки какое-то рукоделье похожее на пяльцы и тут же принялась вышивать. Сама же Настя, оставив её, продолжила свой путь по аллее. Разумеется, она уже заметила Егорушку и скоренько поспешила к нему навстречу.

– Здравствуй, свет мой ясный, ... хотя, какое там здороваться, когда мы вчера даже и не попрощались, ... вроде, как и не расставались, ... давно ли ты меня ждёшь? – едва приблизившись к Егорушке радостно улыбаясь, шутливо спросила она.

– О нет, ... совсем чуть-чуть! Ах, как же я по тебе соскучился, ... я всю ночь не спал, всё переживал, что мы так разошлись, как-то несуразно получилось, ... всё думал о нас, ... почему мы скрываемся. Ведь так долго продолжаться не может, ... мы должны быть вместе, ... иначе я без тебя сойду с ума! Мы должны немедленно предстать пред твоим отцом, ... я буду просить у него твоей руки, ... и будь что будет ... – нежно приобняв её, и мягко вздохнув, взволнованно произнёс он.

– Нет-нет, ... что ты! Это только всё испортит, ... уж поверь мне, я своего отца знаю, ... нам лучше обождать. Ты что же думаешь, я не переживала, ... думаешь я спокойно спала! Да я всю ночь только и делала, что смотрела в окно и ждала рассвета, чтобы скорей увидеть тебя. Ведь и я по тебе скучала, ... ах, ты мой ненаглядный Егорушка свет мой ясный Помидорюшка, ... уж я так за тобой тосковала, что думала и утра не дождусь ... – с не меньшей нежностью обнимая Егорушку, прижавшись к нему, ласково молвила Настя.

– Так что же нам тогда делать, лапушка ты моя милая, ... душенька моя Настенька ... – не в силах на что-либо решиться, теряя голову от трепетных чувств, тихо проронил Егорушка.

– Вот уж не знаю, ... будем уповать на небеса ... – также негромко ответила Настенька и они, толком ещё не понимая, что им делать, взялись за руки и медленно побрели по аллее.

– Ах, Егорушка, милый,... как же хорошо с тобой идти... – вздыхая от счастья, тихо шептала Настя.

– Ах, Настенька,... а с тобой-то как хорошо... – вторил ей Егорушка. Так они и шли, сладостно вздыхая, и счастливо наслаждаясь друг другом, совершенно не заботясь о том, какое решение им принять. Однако далеко ребятам уйти не пришлось, решение настигло их само собой, да ещё и с такой неожиданной стороны. Едва они добрались до конца аллеи и, развернувшись, направились обратно, как вдруг откуда-то с боку раздался грубый, пронзительный крик.

– Это ещё что за такое? Какого чёрта тут происходит? Что я вижу!? – то горланил Настенькин отец. Он раньше времени вернулся из удела и, держа свой путь домой вдоль Летнего сада, внезапно среди рядов деревьев увидел Настеньку, гуляющую с неизвестным ему молодым человеком. Он чуть ли не на ходу выпрыгнул из кареты, и теперь потрясая тростью и куцыми фалдами камзола, нёсся к ним.

– Как так,... моя дочь и с каким-то ухарем? Где эта старая хрычовка нянька,... почто она за тобой не смотрит? – ещё сильнее размахивая увесистой дубовой тростью, продолжая кричать он. Складывалось такое впечатление, что он прямо сейчас начнёт колотить этой дубинкой всех кого не попадя. Хотя на самом деле она была ему нужна лишь для того чтобы удерживать равновесие, ведь он, впрочем как и все бояре, был тучен, грузен и с трудом справлялся со столь быстрыми перебежками.

Но вот наконец-то добежав до ребят, он почти весь выдохся, и у него уже совсем не осталось сил так рьяно размахивать тростью. Однако Егорушка на всякий случай всё же выступил вперёд и прикрыл собой Настеньку от столь резкой выходки её отца. А кто его знает, вдруг ещё хлопыстнёт.

– Батюшка, да ты успокойся,... мы ведь ничего плохого не делали,... просто гуляли, ... мы только вчера на государевой ассамблеи познакомились,... и я тебе ещё не успела всё рассказать! И нянька тут ни при чём,... мне самой так захотелось,... ты бы лучше, чем кричать, поздоровался сначала... – выглядывая из-за Егорушки пытаясь успокоить отца, запросила Настенька.

– Да, и я вас прошу,... не волнуйтесь вы так,... у меня нет никакого дурного умысла,... честно говоря, я сегодня же собирался просить руки вашей дочери... – тут же заступился за любимую Егорушка. Но такое заступничество только ещё больше раззадорило отца.

– А ты кто такой будешь?! Может принц или родовитый дворянин, чтобы руку моей дочери просить? А коли нет, так отойди в сторонку! Вижу я, неровня ты ей! И не будет такого никогда, чтобы я столбовой боярин Малахов, да свою дочь за безродного отдал,... не бывать этому! – всё ещё тяжело дыша от пробежки, грубо оборвал он Егорушку.

– Что правда, то правда,... я не принц, и не дворянин! Я и без этого честно служу отечеству! Я капитан флота Российского,... мне сам государь сей чин присвоил! – выправив грудь колесом и важно посмотрев на боярина, воскликнул Егорка.

– Ах, так ты у нас капитан,... ну, тогда это меняет дело! А где же твой кораблик? Что-то я его в гавани не видел? – с издёвкой в голосе и с нескрываемой неприязнью, жёстко спросил боярин.

– А его в гавани пока и нет,... он ещё на стапелях стоит! Но скоро его спустят на воду и тогда я займу на нём капитанский мостик! – гордо подняв голову, ответил Егорушка.

– Ха! Вот когда займёшь, тогда и поговорим, а теперь нам не о чем с тобой судачить! Ну а ты Настька, быстро марш домой! Вот с тобой-то я сейчас как следует поговорю,... да и няньку свою, хрычовку эту старую, с собой заberi,... у меня и к ней тоже речь будет! – уже полностью отдышавшись и не на шутку озлобившись, не скрывая своего гнева, прокричал боярин, да ещё и пригрозил тростью спешащей к ним няньке.

Делать нечего, супротив отцовского решения не пойдёшь. Сказано – сделано, и Настенька, бегом подхватив няньку, поторопилась домой. А боярин, ещё раз измерив

Егорушку презрительным взглядом, отправился вслед за ними пешком, даже и не воспользовавшись ожидавшей его каретой. Вот так нескладно закончилось второе свиданье ребят. И вновь они расстались, не попрощавшись, словно кто-то свыше не желал их разлуки. Однако такое резкое расставание пошло им только на пользу. После него Егорушка уже точно определился, что ему надо делать. От его прежней нерешительности и сомнительности не осталось и следа.

– Ах ты, боярская твой душонка,... не нравится тебе, что я не принц, и не важный дворянин,... не хочешь, значит, за меня Настеньку отдавать,... не жених я для тебя! Ну что ж, ладно,... делать нечего, надо к государю идти, у него поддержку искать! Мне-то ты, бояришка, отворот поворот, а вот посмотрим тогда, что ты царю скажешь! Уж ему-то ты перечить не станешь... – справедливо рассудил Егорушка, да тут же решил с этой самой загвоздкой сразу к Петру Алексеевичу обратиться. Уж он-то такие дела на раз устраивал, вмиг сватов засылал, а то и сам ехал, и вот тогда попробуй, откажи ему.

А государь как раз в это время на верфях находился, и проверял тот самый фрегат, что вскоре должен был к Егорушке перейти. Ходит, оглядывает его, и вдруг смотрит, в его сторону быстрым шагом его любимец направляется. Ну, государь, конечно, очень обрадовался и к нему навстречу выступил.

– А, друг мой сердешный Егорушка-Помидорушка,... вижу, и тебе не терпится на свой фрегат посмотреть! Вон гляди, какой красавец! А помнишь, как мы в Голландии такие же мастерили?... да только те помельче были! А наш-то не в пример им, те ему и в подмётки не годятся! Вон наш насколько велик и прекрасен! Нам тогда о таком только мечтать приходилось! А теперь вот он, стоит могучий красавец! – нахваливая фрегат, поприветствовал царь Егорушку.

– Что и говорить государь, сей фрегат превосходит все ожидания! Побольше бы нам таких кораблей,... уж тогда бы у нас флот такой стал, что и никакой враг нам не страшен! – внимательно разглядывая оснастку судна, восхищённо заметил Егорушка.

– Да уж,... фрегат отменный, слов нет,... но ведь им ещё и править надо уметь,... это тебе не поросёныш корыто! Ты-то как,... готов с таким совладать?... справишься ли, не дрогнешь? – чуть подзадвив Егорку за живое, азартно спросил Пётр.

– Да что ты государь,... дрожать тут нечего! Справлюсь и ещё как,... это что,... мне таким кораблём управлять, что воздухом дышать,... труда не составит! Но вот только есть у меня ныне другая забота,... и она для меня не менее важна... – грустно вздохнув, отозвался Егорушка.

– Это что же ещё за забота такая?... вон как запечалился-то,... чую, что тут без девицы не обошлось! Уж не влюбился ли ты? – широко разулыбавшись, живо откликнулся Пётр.

– Всё-то ты видишь государь,... ничто от тебя не скроется,... точно так, полюбил я... – кивнул головой Егорка.

– Ха-ха-ха,... ай да молодец Егорушка-Помидорушка! Не успел приехать, а уже влюбился! Ну и правильно, нечего ждать, любить так любить! Сейчас же и свадьбу сыграем! Кто она? что за девица?... а ну подавай её сюда! – весело хохоча и задорно похлопывая Егорушку по плечу, затребовал Пётр.

– Так в том-то и дело что не могу я с ней свадьбу сыграть! Уж больно у неё батюшка грозный да сердитый,... и знать-то он меня не желает,... кричит, артачиться,... мол, не видать тебе моей дочери как собственных ушей! Вот потому-то я и грущу,... не вынести мне долгую разлуку с моей Настенькой,... тяжело мне без неё... – опять грустно вздохнул Егорушка.

– Ах, так вот в чём дело,... родитель значит против! Тот-то я смотрю ты невеселый такой. Но-но, ты это брось, не вешай нос,... насколько я понял, девица-то согласна,... а это уже великое дело! Ну а отца её мы уж как-нибудь уломаем. Говори кто он такой?... что за человек? – услышав такое признание, оживился Пётр.

– Да это боярин Малахов, что у Летнего сада живёт. Трудно с ним будет сладить, ведь он-то для Настеньки в мужья принца иль кого ещё поважней намерил, ... но уж никак не меня... – огорчённо ответил Егорушка.

– Вон как, ... боярин Малахов говоришь, ... знаю такого! Ох уж эти бояре, ... вот они где у меня сидят, ... все мои начинанья хулят, палки вставить норовят, фордыбачатся! Родовитость их вековая, и гордость боярская не велит им понимать, что они мне государство Российское на ноги поднимать мешают, ... упрямятся окаянные, привыкли всё по старинки делать! А Малахов этот, боярин столбовой, ... он среди всех бояр самый упрямый и есть, ... упёртый словно тот осёл! Да уж, ... с этим, пожалуй, просто так и не сладится, нахрапом такого не возьмёшь! Ну да ладно, ... мы с ним по-другому поступим! Так ты говоришь, принца ему подавай, персону ему важную для своей дочери надо, ... ну что же будет ему добрый молодец и не хуже принца! Мы ему тебя совсем с иной стороны представим, ... и медлить с этим не будем! Фрегат твой я гляжу уже готов, так что днями его на воду спустим, а ты принимай! Ну а на первое плаванье и на проверку ходовых качеств, гостей дорогих позовем, а вместе с ними и боярина твоего пригласим, ... придет, никуда не денется. Вот тут-то ты не плошай, да покажи себя во всей красе, ... докажи, каков ты есть! А уж я тебя во всём поддержу, и в обиду каналье боярину не дам! Увидит он, с кем ты дружбу водишь, и какой ты знатный молодец, ... пусть тогда попробует отворот поворот тебе дать! Ну что, ... как я задумал, как тебе такая мысль? – довольный своей затеей, лихо взъерошив Егорушке шевелюру, радостно воскликнул Пётр.

– А что тут скажешь государь, задумка отличная, а я уж не подкачаю, покажу, на что способен! Готов хоть сейчас фрегат принять! – вытянувшись по струнке, с воодушевлением отрапортовал Егорка.

– Ну, так и быть по сему! Сегодня же и принимай! – заключил Петр, и они тут же занялись подготовкой фрегата. А уж как государь сказал, так тому и быть, и теперь только поспевай, да глазом не моргай. Работа завертелась полным ходом, а вместе с ней и дни понеслись.

5

Но вот подошёл срок, и все приготовления были закончены. Настал назначенный час, и государь, собрав особо важных гостей, велел спускать фрегат на воду. Ох, и что же тут началось, какая великая радость случилась. А то как же, ведь такую громадину впервые в плаванье снаряжали. Пушки палят, музыканты марш трубят, морячки быстрее корабельные мачты правят, да паруса на них белые ставят.

Вот тут-то Егорушка свои навыки и показал. Матросам приказы ясные, чёткие отдаёт, как им поступать надлежит, подсказывает. Голос у него громкий, уверенный. На паруса поглядывает, за такелажем посматривает, а где надо так и сам рангоут подправит да шкот подтянет, ну капитан капитаном. Да под таким чутким командованием фрегат в момент к плаванью готов оказался. Стоит красавец под парусами, флаги расправил, гостей на борт ждёт. А на капитанском мостике у него Егорушка Андреевскому стягу честь отдаёт.

Ну, тут уж и государь подрос, берёт да всех именитых гостей на корабль приглашает, а Настиного батюшку, боярина Малахова, в первую очередь зазывает. Взошли они на борт, а Егорушка сейчас же к царю с докладом. Отрапортовал ему всё как есть чин-чинарём и распоряжения ждёт. Ну а государь на радостях обнял его, расцеловал и говорит.

– Доверяю тебе, капитан первого ранга, самый могучий фрегат флота Российского, а вместе с ним и жизни наши! Ты на сим корабле командир, а потому, только ты на нём власть имеешь! Командуй и повелевай, как то морским уставом заведено! А уж мы тебе подвластны, мы здесь гости твои! – с особой важностью воскликнул Пётр, тем самым дав понять всем присутствующим, с каким великим доверием он относится к Егору и как он его высоко ценит.

А боярин Малахов в сторонке стоит, фыркает да хмуриться, он-то вовсе и не ожидал что Егорушка у царя в таком почёте. Но вот Егор, заняв своё место на капитанском мостике, отдал приказ и фрегат отшвартовался. Государь сразу же рядом с Егором встал, а все остальные на палубе устроились. А уже через мгновенье фрегат наполнив паруса, двинулся в дальний путь.

Ветер дул попутный, благоприятный, а потому пошли они скоро и споро. Да так что спусть буквально полчаса были в открытом море. Фрегат показал себя как надёжное, крепкое и прочное судно, а уж вместе с ним проявил себя и Егорушка. Таким уверенным и собранным он не был, наверное, ещё никогда. Ну а как же иначе, ведь рядом сам государь стоит, и посрамиться перед ним никак нельзя. А уж Пётр, глядя на то, как ловко Егорушка с таким могучим кораблём управляется, не смог сдержать своего восторга.

– Ну, Егорушка, ну и Помидорушка! Ох, и удивил же ты меня, почище прошлого раза будет! Знать не зря ты по заграницам учился! Знать верно, я за тебя готов стоять горой! Вот уж воистину достойный капитан! – гордо восхищался государь, внимательно наблюдая как фрегат уверенно рассекая волны, бороздит морской простор. Но в открытом море всё не так-то просто. Вдруг, как это и бывает, неожиданно-негаданно налетел внезапный ветер и мгновенно поднялся ужасный шторм.

– Всем посторонним быстро очистить палубу! Немедленно спуститься в кают-компанию! Матросам занять места по корабельному распорядку! – тут же скомандовал Егорушка, и крепко схватившись за штурвал, взглянул на Петра.

– Может и ты государь, с прочими пойдёшь, а то здесь становится небезопасно! – громко, дабы перекричать налетевший ураган, пробасил он.

– Нет уж, ... я с тобой останусь! Мне так сподручней, ... уж получше будет, чем с боярами в кубрике томиться да об их спины жаться! – сильнее натянув шляпу-треуголку на глаза и прочней упёршись ногами в палубу мостика, шутливо воскликнул царь. И только он это прокричал, как на фрегат внезапно налетел огромный шквал, и с чудовищной силой ударил его в правый борт. В следующую же секунду на палубу, перевалив через леер, ворвался бешеный

поток морской пучины. Он, стремительно понёсся по фрегату, сметая всё на своём пути, и безжалостно смывая в море все захваченные им трофеи.

И надо же такому быть, что в этот самый момент на палубе, замешкавшись у дверцы кают-компаний, остался стоять только один боярин Малахов. Прочие же гости уже давно схоронились внутри. Однако и боярин, наконец-то собравшись с силами, уже было хотел кинуться вовнутрь, как вдруг бушующий поток резко подхватил его и вышвырнул за борт. В одно мгновение боярин оказался в открытом море.

– Человек за бортом! – моментально прозвучал призывный клич вахтенного матроса. Хотя можно было бы так и не кричать, ведь все прекрасно видели, что случилось. Разумеется, это видели и Егорушка с царём. Матросы тут же кинулись спасти беднягу, но вдруг опять налетел мощный шквал и с неимоверной силой вновь ударил по фрегату. Морякам пришлось мгновенно броситься выправлять положение корабля и спасать Настиного отца стало не кому.

– Ну-ка государь держи штурвал, да правь на волну! А я выну этого бедолагу из пучины! Негоже чтобы в первом же плаванье у нас человек погиб! – крикнул Егорка царю, и на ходу сбросив с себя камзол, кинулся на помощь боярину.

– Слушаюсь, капитан! Твоя здесь власть, как велишь, так и будет! – только и успел откликнуться Пётр, как Егорушка уже бойко оттолкнувшись от борта, спрыгнул в бурлящее море. В самый последний миг он явственно приметил, где среди бушующих волн барахтается цветастый кафтан боярина, самого же его уже было трудно различить. Он почти весь ушёл под воду, и волны захлёстывали ему голову мешая дышать. Ещё бы одно мгновение и он попросту захлебнулся. Егорушка быстрыми гребками настиг его и вовремя схватил за загривок.

– Врёшь, не уйдёшь, ... не утонуть тебе нынче! – воскликнул он, и тут же сильным рывком перевернув боярина на спину, в следующую же секунду поддел его за шкурку и погрёб к фрегату. Государь тем временем, оставшись за капитана, продолжал, как ему и было велено держать фрегат на волне. И за счёт этого фрегат словно застыл на одном месте, тем самым давая возможность Егорушке не терять его из вида.

Шторм же продолжал бушевать и всеми силами старался продлить своё господство в море. Однако и такой могучий феномен не может длиться вечно. Пробесчинствовав ещё какой-то срок шторм сдался и пошёл на убыль. И всё это время Егорушка, рискуя своей жизнью, отважно держался за кораблём, не позволяя боярину утонуть. Хотя он и мог бы избавиться от этого ворчуна, бросив его посреди волн. Ведь никто бы его в этом не упрекнул, он же старался, как мог. Но Егорушка был честным и совестливым человеком, и ни в коем случае не мог себе такого позволить. Он стойко вынес все испытания и сохранил боярину жизнь, тогда как сам боярин практически перестал за неё бороться и безвольно, словно куль с требухой колыхался на волнах. Разумеется, если бы не помощь Егорушки он давно бы уже упокоился на дне морском.

И вот при первом же снижении темпа шторма Егорушка с удвоенной силой стал грести в направлении фрегата, отчаянно стараясь сократить дистанцию между ними. Ну а вскоре море полностью успокоилось, и от шторма остались всего лишь лёгкие воспоминания. Егор же в этот момент, наконец-то преодолев оставшееся расстояние, вплотную приблизился к фрегату и начал кричать.

– Мы здесь! Смотрите сюда, ... мы по правому борту! Сбросить штормтрап! – уверенно отдал он приказ заметившим его матросам. Тут же в воду полетели верёвки, круги, спустили трап, а в дополнение ко всему спрыгнуло ещё и двое матросов. А уже через несколько мгновений все кто был за бортом, благополучно оказались на палубе. Егорушка сейчас же принялся приводить боярина в чувства. Вскоре тот открыл глаза и подал первые признаки жизни. Однако для полного его возвращения в норму ему в глотку пришлось влить ещё и полштофа вина, да и как следует растереть водкой. Но это дело было уже не Егорушкино, и он наконец-то скинув

с себя мокрый капитанский мундир, мигом переоделся в простую матросскую одежду и вновь занял своё место на мостике, сменив у штурвала государя.

– Ай да молодец Егорушка! Ай да капитан! И человека спас, и корабль от шторма уберёт! Вот ты моя надёжа и есть,... а что проку с этих бояр,... одно расстройство!... – важно хваля его, воскликнул Пётр.

– А разве ты на моём месте поступил бы иначе? Знаю я тебя государь, и ты бы в море полез, и не дал бы просто так человеку пропасть!... – поёживаясь, откликнулся Егорушка, и круто вывернув штурвал, направил фрегат обратно к берегу.

Ветер после шторма дул свежий, порывистый, и он быстро наполнив паруса, в течение какого-то получаса доставил всю честную компанию в гавань. А там уже народу собралось, что и не протолкнуться. Ну и, конечно же, вместе со всеми пришла Настенька. Взобралась она повыше на помост, что на пирсе был, и стоит, смотрит, как фрегат причаливает. А там, на фрегате, её отец окончательно очухался, вино в нём взыграло, он плечи расправил и к царю рвётся.

– Государь Пётр Алексеевич дозволь мне слово молвить!... – кричит, пыхтит, а сам уж и на капитанский мостик взобрался и пред царём вытянулся.

– Что мне государь для тебя сделать, чем отплатить тебе за то, что ты в море меня не бросил, а повелел спасти!? – пустив слезу, спрашивает он и в ножки царю кланяется.

– А ведь я тебя спасать не велел! Ты-то мне без надобности, уж больно ты строптив и мало чем в делах моих помогаешь,... ну и утоп бы ты, мне-то что! Ты не меня благодари, а вон капитана нашего, Егорушку! Это он спасать тебя бросился, притом сам, без всякого моего указа! Кабы не он, кормить бы тебе сейчас рыб в бездне морской! Егору ты своей боярской жизнью обязан,... его и благодари!... – лукаво ухмыляясь в усы, резко ответил ему Пётр.

– Да как же это так государь,... как же его-то?... вон он в тряпье морячком стоит,... да какой же он капитан,... босяк, да и только,... я его давеча насилу от своей дочери отвадил,... а тут я ему ещё и спасибо говорить должен! – выпучив глаза от удивления, залепетал боярин.

– Да ты что глупая твоя голова,... очумел что ли, такое про моего капитана говорить! Да ты шельма не то что ему спасибо скажешь, но ещё и свою дочь замуж за него отдашь! И не сердись на меня, а то вмиг опять за бортом окажешься! Иль может, ты считаешь, что он не достоин такой награды!? А ведь он для меня, для царя, жизнь важного боярина спас,... и не таращся ты на меня, это я про тебя говорю! А за такое в былые времена боярскую дочь замуж без разговоров отдавали! И ты головой своей не крути,... старые традиции не в твоей власти менять! Да и я со своей стороны в долгу не останусь,... дворянство ему пожалуйу, титул светлого князя дарую, да и удел побольше дам,... вот и будет ему, чем с тобой равняться! А на одежду его ты не смотри, это дело поправимое! Он у нас ныне герой и достоин наряда с царского плеча! – в ответ на боярское нытьё жёстко возразил Пётр, и одним махом скинув с себя царский камзол, мигом на Егорушку его нахлобучил.

А тот ему в самый раз пришёлся, сел камзол на Егоршу как влитой, ведь они с царём одного поля ягоды, оба рослые, статные молодцы. И встал он у штурвала в царском одеянье, голову гордо поднял, вперёд величаво смотрит. Ну, чем не князь, самый настоящий князь. Вот как оно всё повернулось-то, в одно мгновенья Егор таким важным дворянином сделался, что у боярина от сего поворота колени задрожали, ноги подкосились, и он аж весь в лице переменялся.

– Ох государь, ну и умён же ты,... вон как всё правильно рассудил,... уж до того всё верно решил, что я хоть сейчас готов свою дочь за такого-то молодца отдать! – ошалев от всего происшедшего заголосил боярин. А как же иначе, ведь теперь перед ним не абы кто стоял, а светлый князь, да ещё и самим государем обласканный.

– Вот и славно! И тянуть с этим не будем! А ну зови свою дочь, где она у тебя там! Нечего другого случая ждать, сейчас же свадьбу и сыграем! – ловко подхватив боярское смирение, весело затребовал Пётр.

– А я что, ... я согласен государь! Да вон она на бережку стоит, меня дожидается! Настенька, доченька, пойдите к нам! Эй, там, пропустите её! – прямо с капитанского мостика закричал боярин, заметив в толпе Настеньку. А люди вокруг неё стоят, видят такое дело, батюшка-боярин дочку к себе кличет, тут же расступились и пропустили её. Ну а она на корабль быстрее и взбежала да на капитанский мостик поспешила.

– Что такое батюшка, ... зачем меня так скоро звал? – склонив в поклоне голову, мягко спросила она, подойдя к отцу. А у самой-то сердце так и замерло, ведь тут рядом, только руку протяни, её Егорушка стоит.

– Ах, доченька, прости ты меня отца своего глупого, за то, что я сразу не разобрался, какого отважного молодца ты себе в суженые наметила. Слава богу, государь меня вразумил, на путь истинный наставил, и указал насколько твой избранник, руки твоей достоин! Эх, быть по-вашему, ... благословляю я вас дети мои, ... мир вам да любовь, женитесь и будьте счастливы ... – совсем уже расчувствовавшись, слезливо молвил боярин, и поцеловав Настеньку, подвёл её к Егору. Ну а Настенька понять ничего не может, удивляется такой перемене, Егорушку за руку тихонько берёт и ласково так ему говорит.

– Ох, Егорушка свет мой Помидорушка, яблочко ты моё золотое, ... ну неужели мне это всё не снится? ... что это за чудеса такие, ... что же такого случилось, что батюшка мой согласие своё дал, ... уж не шутит ли он? – припав к Егорке, спрашивает она да в счастье своё поверить не может.

– Ах, Настенька душенька ты моя, я и сам не ведаю, что такое могло случиться ... – скромно шепчет он ей, и смотрит на неё, наглядеться никак не может. А государь-то рядом стоит да всё слышит.

– А то и случилось, что и должно было! Смелым да отважным за дела их честные всегда добром воздаётся! Вот и ваш срок пришёл, и вам свою долю счастья пора получить! По заслугам и награда, и никаких тут шуток нет! Любовь дело нешуточное! А ну целуйтесь молодые! – весело затребовал царь, и хитро прищурившись, широко разулыбался. А Егорушка-то видит, как всё удачно складывается, да без лишних слов обнял Настеньку и нежно поцеловал её голубушку.

– Ха-ха-ха! А теперь давайте свадьбу играть! А ну-ка музыканты поддайте жару! Эй, пушкари пальните так, чтобы земля под ногами задрожала! – от души рассмеявшись, вскричал государь, и давай на радостях влюбленных поздравлять, обнимать их касатиков да целовать.

В одно мгновение всё сразу вокруг закружилось, завертелось, дым коромыслом поднялся. Пушки запалили, музыканты на зычных горнах затрубили, шум-гам, весёлый тарарам, праздник такой начался, что его потом ещё сто лет вспоминали. Гуляли три дня и три ночи без продыху, а на четвёртый проспались да за труды великие взялись, вот какие были времена, не то, что ныне. И зажили с той поры Егорушка с Настенькой дружно и счастливо, ни беды, ни горя не зная, честно, верой и правдой служа государю и родному Отечеству...

Конец

Сказка о смелой княжне Дарьюшке её семье и царе Петре

1

Началась вся эта сказочно-загадочная история в те самые старые, добрые времена, когда юный царь Пётр в селе Коломенском ещё только-только учился командовать своим потешным войском, и лишь собирался запустить по Яузе-реке английский ботик, что недавно нашёл на ремесленном льняном дворе в Измайлово. Вот именно тогда-то Пётр и велел именовать Измайлово «колыбелью российского флота».

Будучи горячим по нраву, наделённый пытливым умом, наш молодой государь много времени проводил в военных забавах и поучительных изысканиях. А потому очень часто бродил со своими сподвижниками по разным ремесленным слободам да околоткам в поисках каких-нибудь необычных диковин, кои могли бы ему пригодиться для его практических нужд. Кстати, тот свой английский ботик царь нашёл точно таким же образом.

Да и не только его, но ещё и много чего находил, и даже одного из самых первых участников этой замысловатой истории открыл. И вот как это всё случилось. Однажды в один из таких познавательных визитов в Измайловскую слободу, совершенно случайно, прямо как в сказке, государь и очутился рядом с нашим героем. А это был, тогда ещё совсем молодой парень, начинающий ученик каретного ремесла Дениска Шипов.

Дениска по ту пору, добывал свой хлеб, исправно трудясь подмастерьем у знаменитого на всю округу мастера-каретника Данилы. Да к тому же ещё и подавал большие надежды, уж больно был шустр и смекалист, мог так лихо прищпандорить колесо к карете, что другие подмастерья только рты раскрывали, дивясь его ловкости.

– Молодец Динька, далеко пойдёшь! – не раз хвалил его мастер Данила, проверяя его работу.

– Так глядишь, не ровён час и в царские мастерские попадёшь... – добавлял он, гордясь своим воспитанником. Да так оно вскоре и случилось.

На дворе стояло лето, солнце нещадно парило, и как это обычно случается в такую погоду, вдруг неожиданно-негаданно откуда-то со стороны набежала чёрная тучка, и грянул внезапный ливень. А государь как раз в этот час с тремя своими сотоварищами по пушечным делам находился в Измайловском, и сразу же попал под этот шквальный дождь.

Мокнуть он, разумеется, не захотел и со всей своей ватагой заскочил в первый попавшийся двор. И так уж получилось, что это был двор каретника Данилы. Царь шасть под навес, а там Дениска, в углу стоит, да молоточком на наковаленке гвозди правит.

– Вот те раз,... никак сам царь-государь от дождя у нас под навесиком схорониться решил! – узнав молодого Петра, воскликнул он и аж весь побелел от удивления.

До этого-то он государя только издали на празднествах видел, а тут на тебе, он рядом стоит и без своих сердитых бояр, только тройка весёлых молодцов с ним. Так и оторопел Дениска, уставился на Петра, не шелохнется, молоточек в руках застыл.

– Да ты что человеке, царя что ли живого не видал, окаменел-то совсем,... отомри бедолага, а то рука отвалится... – заметив стушевавшегося юнца-подмастерья, засмеялся Пётр.

– Да ладно, будет тебе цепенеть-то,... я же тут часто бываю, аль не приметил? – спросил царь и, подойдя, потрепал Дениску по шевелюре.

– Ну, может, ты и часто здесь бываешь, да только к нам в первый раз заглянул... – прейдя в себя от государевой трёпки, ответил Денис.

– Это ты прав, к вам я ещё не закахивал,... да я как погляжу, тут у вас кареты вроде починают... – осмотревшись по сторонам, заключил царь.

– Да, починаем, и не только,... мы ещё и сами кареты делать можем,... и не хуже аглицких!... Вот только кузню расширим,... и пойдёт дело!... – хвастливо воскликнул Динька, и даже в страстях тукнул молоточком по наковаленке.

– Эх ты разошёлся-то! Да не уж-то ты и вправду такой мастер?... – усмехнувшись, тут же весело спросил Пётр.

– Да я-то что, я ещё в подмастерьях, а вот мой хозяин Данила, так, тот мастер! Да вон он, из избы выглядывает... – ответил Дениска, показывая на дверь дома. Дождь к этому времени уже стал затихать и Данила решил выглянуть, посмотреть, кто это к ним под навес заскочил.

– А ну-ка Данила иди к нам,... да не робей, расскажи-ка про свои дела... – заметив мастера, властно взмахнув рукой, позвал его царь. Данила, узрев, кто под его навесом прячется, как ошпаренный бросился навстречу государю.

– Да что же это делается,... царь во дворе стоит, мокнет, а хозяин в дому сидит,... идём в избу государь, к теплу да суху... – загомонил он, подбежав к царю.

– Да ладно тебе, что уж там,... дождь-то уже перестал. Ты мне лучше вот что скажи, правда это, что вы здесь кареты не хуже аглицких делать можете?... или брешет твой подмастерье? – хитро улыбаясь, спросил Пётр.

– Это, правда государь, можем,... а особенно Динька,... ох уж он и мастёр,... всё чинит, везде поспевает, все секреты на лету схватывает и в дело вменяет,... умнющий чертяга окаянный,... и это невзирая на то, что совсем ещё юный отрок... – расхваливая Диньку, пошучивая и кивая головой, ответил Данила.

– Ну что же,... хорошо коли так! – воскликнул Пётр и повернулся к Дениске.

– Я вот тоже молод и мне, для дел моих, такие же молодые, справные, помощники нужны, ... а дел я задумываю немало! И потому хочу я тебя испытать... – обратился он к Динису, – и вот тебе от меня задание! Если за неделю смастеришь мне двусный воз, под тип лафета,... такой чтоб на нём можно было любую пушку перевозить, то возьму тебя к себе в государевы мастерские! Станешь отечеству служить! Ну а коли попусту хвалился и не справишься, то отправлю я тебя на чумазные работы, в канавы грязные,... будешь всю жизнь в холопах ходить! Ну что, идёт тебе такой договор? – всё так же лукаво улыбаясь но, уже не шутя, спросил Петр, пристально глядя Дениске прямо в глаза.

Порой от такого государева взгляда и родовитые бояре в панику впадали, а Динька ничего, не сробел, смело так посмотрел на юного царя и говорит.

– Ну, раз ты такой молодой, с царством-государством управляешься, так и я со своим делом совладаю,... или ты что же думаешь,... я, твой погодка, почти ровесник, и воз для пушки не сделаю?!... сделаю, да ещё и какой! Да что там неделю, приезжай через пять дён будет тебе лафет! – для верности звякнув молоточком о наковаленку, в запале зарёкся Денис.

– Вот так молодец, вот ответил! Ну, жди, через пять дней буду! – воскликнул Пётр и, не тратя времени зря быстро распрощавшись с хозяином, резко развернулся и вышел со двора. Дел у царя была тьма, так что он мало где подолгу задерживался, а у каретника он из-за дождя и так уже почти час потерял и сильно задержался, а ему ещё и в пушечную слободу надо было поспеть, вот царь так скоро и умчался. Шустрый был и не догнать. Таким вот образом и произошла первая встреча да знакомство государя с простым подмастерьем Динькой Шиповым. Ну а дальше – больше.

2

Пять дней пролетели быстро, но и Дениска медлить не стал, и за столь малое время соорудил такой воз, что царь, прибывший в мастерскую к назначенному сроку увидев его, пришёл в восторг.

– Ну и лафет,... ну и красавец,... да такой разве что на выставку в Европу отправлять, и ведь не стыдно за него будет! Да твой воз любую пушку выдержит и по любой дороге пройдёт! Ай да молодца подмастерье,... да нет, ты уже пожалуй и мастер! – восхищённо похвалил Пётр Диньку, принимая у него работу.

– Ну что же, как я и обещал, беру тебя в своё окружение! Будешь у меня при пушках, лафетным мастером! Ну а ты Данила-мастер уж не обессудь, раз уж я слово дал, так я его держу и забираю у тебя твоего подмастерья! Ничего, ты себе другого найдешь, а мне такие мастера сейчас на вес золота! – уже обращаясь к каретнику, добавил государь и похлопал его по плечу.

В тот же день Дениска со всеми своими пожитками перебрался на царский двор в Коломенское, где у царя Петра потешное войско стояло. И зажил с тех пор Динька новой, военной жизнью. Мастерил лафеты для пушек, да с царём и его войском на стрельбы ездил. А вскоре государь в селце Преображенском затеялся крепость Прешбург справными пушками вооружить, и Дениске, как самому лучшему мастеру, пришлось туда переехать.

Да только не в радость для него этот переезд был. Ведь пока он жил в Коломенском случилось у него одно амурное дельце. Повстречал он там девушку красную, Алёнку, дочь соседского купца, что государю лес для его строительных нужд поставлял. Купец тот хитрец молодец был, у бояр лес скупал да царю продавал, а на выгоду дома строил. Да и Дениска тоже у него материал брал, для лафетов. Вот так-то он с Алёнкой и познакомился.

Она девушка хоть и юная была, но умница неимоверная, отцу во всех делах помогала, и брёвна из леса принимала, и доски после распила считала, да и деньгам учёт вела. Сметливая, сообразительная девчушка, а уж красавица какая, так это только всем на загляденье.

Глаза голубые словно небеса, волосы русые в косу тугую сплетены, стройная аки берёзка в поле, а губы её алые в белоснежную улыбку сложенные, так вообще покоя Диньке не давали, до того бедолага влюбился. Он как в первый раз в отцовской лавке её увидел так сразу голову и потерял. А Алёнка, девчушка не промах, сразу заметила, что по ней такой красавец молодой удалой сохнет, ну и приглядываться к нему начала, а вскоре и сама понять не успела, как влюбилась в него. Так и завязались у них тёплые, нежные отношения.

Но всё их перегляды да охи не остались незамеченными. Отец Алёнки вмиг обратил внимания на то, как при встрече ведут себя молодые отпрыски. Но хитрец супротив таких чувств возражать не стал, ведь Дениска как-никак был царским любимчиком, да ещё и каким, государь считал его одним из своих самых верных и преданных друзей. А купец, он купец и есть, везде свою выгоду видит. Будет его дочь с любимчиком царя встречаться, так и ему польза.

Ну а то, как же не польза, если его будущий зять первый государев товарищ, ему уважение и почёт, а купцу новые подряды от царя. Так что помех никаких не было и Дениска с Алёнкой сошлись душа в душу, и стали они не разлей вода. А тут такое дело, любимого в Преображенское перевели, ну и загоревала Алёнушка. А вместе с ней и Дениска себе места не находил. И вот в таком сердечном смятении попался он на глаза государю.

– Ты что не весел, гляди-ка, вон какое дело затеваем, настоящее войско создаём! Да я тебя за твою выучку и смекалку немалую командиром сделаю, станешь бастионной артиллерией распоряжаться! Хватит тебе в лафетчиках ходить, вон каким молодцом стал,... любо дорого посмотреть,... а он ходит как в воду опущенный!... Или что не так?! – схватив Диньку за плечи и по-дружески потребушив его, весело воскликнул царь.

– Да тут не до радости государь,... переехав сюда, расстался я со своей зазновой Алёнкой дочерью купца, твоего поставщика леса. Так уж сердце ноет,... так уж муторно,... душа к зазнобушке просится,... летит к ней, а я не могу службу оставить... – начал было выказывать царю свою печаль Дениска, да только Пётр не дослушал и, приложив ладонь к его губам, перебил.

– Стой! Далее не говори ничего, всё понял,... всё уразумел! Алёнка говоришь, дочь купеческая!... Знаю-знаю,... видел, как вы миловались, да только думал, что всё это так, несерьезно, блажь одна. А тут вон оно как,... тоскуешь,... любишь! Так значит свадьбе быть! И даже не думай отвертеться, а я у тебя сватом буду, и сейчас же, немедля едем за невестой! – вскричал царь, и тут же собрав Дениску в охапку, ринулся в Коломенское.

3

Сказано-сделано, в этот же день Алёнку просватали и увезли в крепость Прешбург к Дениске. А уже через неделю, невзирая, на столь юный возраст молодожёнов, сыграли и свадьбу. Царь на такие дела ох как шустёр был, времени зря не тратил, не рассусоливал, и быстро своим любимчикам все блага творил.

Свадьбу сыграли там же в Преображенском, народу была тьма, столы прямо на улице под открытым небом накрыли. Закуски сытной, да хмеля всякого, бочками навезли, гуляли три дня и три ночи, продыху не знали. Но служба есть служба и надо было браться за дела, тем более что вскоре грозилась прейти осень с её дождями слякотью да заморозками, а жилья пока путного не было. И вот отгуляв, все разом рьяно взялись за дальнейшее строительство крепости и обустройство молодых.

Тут уж и отец Алёнки пригодился, дал леса на крепостную стену, да на сруб для командирской избы. Царь оценил такую щедрость хитрого купца и наделил его новыми подрядами на поставку леса. Тот остался чрезвычайно доволен и поклялся честно служить государю. Стройка закипела с новой силой. Ну а к сентябрю расстарались, возвели всё как положено, и новую стену на бастион, и новые казармы для солдат, и большую командирскую избы. Дениска с Алёнкой тут же в ней и поселились. Царь, как и обещал, произвёл Диньку в командиры и выделил должное материальное обеспечение.

– Живи, служи и радуйся! Да прибудет в вашем доме удача и счастье! – напутствовал он их и с довольной улыбкой на лице расцеловал обоих. Молодые, от такого трепетного отношения к ним государя, почувствовали себя самыми обласканными людьми на свете и, поблагодарив его за пожелания, так и сделали – зажили счастливо и дружно в своей избушке. А уже зимой, когда стояли трескучие морозы, да лютая выюга выла, Алёнка вдруг ощутила, что у неё будет дитя. То-то было радости, то-то было веселья. А государь, прознав про это, мигом приехал в крепость поздравлять молодых.

– Ну, ребята, ну молодцы, поздравляю! Будут теперь у вас новые заботы да родительские хлопоты! А у меня ещё один верный помощник появится! Продолжатель наших с тобой Дениска чайний да дел великих!... – тут же с порога загомонил Петр, влетев к ним в избы.

– А ну хозяйка давай накрывай на стол! Я тут кое-каких гостинцев для вас захватил,... посидим, поговорим,... и ведь есть о чём потолковать... – добавил государь, и на ходу скинув с себя шубу, достал из-за пазухи съестные припасы и штоф крепкого напитка. Спустя мгновение все уселись за стол, и беседа потекла рекой. Поговорили и о том, и о сём, но главной темой стали приготовления к весенним пушечным стрельбам да к походу в Переславль на Плещеево озеро для строительства первых серьёзных судов. Государь просто-таки бредил кораблями и морем.

– Так что так, Дениска,... пойдём с небольшим войском да с пушками, и мне, сам понимаешь, без тебя там не обойтись,... готовься, со мной поедешь! Но вот только как же Алёнка, ведь она одна останется,... справиться ли? – спросил Петр, ласково взглянув на Алёнку.

– Ничего-ничего государь, я справлюсь! Пусть он с тобой едет, а мне люди помогут, ты не переживай... – поддержав царя тут же ответила Алёнка.

– Да как же мне не переживать,... негожее это дело, что бы ты одна без присмотра в крепости оставалась! Здесь если что случись, пока и медика-то доброго нет,... значит так, поедешь в Немецкую слободу к моему доброму другу и сотоварищу Францу Лефорту! Там и должный лекарь есть, какой за тобой приглядит, да и дамочек что помогут тебе, там тоже немало! К весне и переедете! И все тут, дело решённое!... – заметив, как Алёнка хочет что-то возразить, хитро прищурившись, заключил царь, окончательно подведя итог встречи.

— Как скажешь, государь, да мы за тобой хоть в огонь хоть в воду... — довольный такой опекой государя задорно ответил Денис. Как известно царь слов на ветер не бросал, раз решил, значит, и быть посему. Пришла пора, Динька с государем затеялись в поход собратиться, тут-то Алёнку со всем домашним скарбом в новые хоромы и перевезли.

Да хоромы-то не простые, а специально для них подготовленные, тут уж Франц Лефорт расстарался. Палаты каменные, дом в немецком стиле с камином и европейским убранством, да ещё и на берегу Головинского пруда, недалеко от любимой Яузы-реки. Место замечательное; удобное, уютное, спокойное, как будто специально для возвращения малых деток приспособленное. Алёнке всё это дело по душе пришлось, и она тут же начала обживаться.

А меж тем пришла скорая весна, налетела быстро, шумно, с каплями, с тёплым ветерком. И не успели оглянуться, как всё вокруг уже зазеленело, зацвело и окуталось благоуханьем. Природа обновлялась и призывала в путь. И в это чудесное время государь, а с ним и Дениска с сотоварищами уложились и отбыли в поход на Плещеево озеро. Ну а Алёнка осталась под надёжным присмотром немецкого лекаря да двух нянек, что поочерёдно дежурили подле неё.

4

И вот в назначенный срок, как и ожидалось доктором, на свет появился замечательный малыш, мальчик. Вылитый папа с мамой, щёчки румяные, глазки голубые, носик пимпочкой, а голосок такой звонкий, словно ручеек течёт. Алёнка вся от счастья светится. И едва о малыше стало известно, как к ней тут же со всей немецкой слободы добрых знакомых понабежало. Подарки дарят, поздравляют, здоровья желают, радуются.

– Вот приедет Денис, а тут ему такой светлый подарочек! Да и царь-государь рад будет! Ох уж он ждал, чтобы у вас мальчонка родился, ему сотоварищ в делах, а вам помощник! Счастье в дом, невзгоды вон!... – в один голос весело гомонили гости любующись малышом.

И то верно, как же таким не любоваться, прошла всего неделя с его рождения, а он уже и ручками шустрит и ножками сучит, головку вверх поднимает, быстрее вырасти желает. Ну а уж где неделя прошла, там и месяц пролетел, а за ним и другой и третий прошёл, и вот уже войско с похода возвратилось, а с ним и Дениска с царём. Государь первым делом весёлый праздник затеял да мальчонке имя дал.

– Вон он у вас какой крепыш растёт, никак богатырём будет! Так давайте же его по-богатырски и наречём, Никитой! И станет он для вас защитой верной, а мне другом надёжным... как ты Дениска! Да только уж и я в долгу не останусь и буду ему отцом крёстным! Ну что крестник Никитка здоровья тебе и счастья!... – держа мальчонку на руках, весело воскликнул Пётр и на радостях расцеловал его.

Тут-то всё и завертелось, закружилось, началось торжество. Пили да ели до отвала, плясали, так что все каблуки постирали. И хоть повод был веский, но только в этот раз праздновать долго не стали, всего-то денёк другой. А всё потому, что дел всяких важных великое множество накопилось, надо было и крепости возводить, и новые пушки лить, и корабли рубить одним словом государство российское укреплять. А уж в этих делах Дениска для царя первым помощником был. Всюду с ним скитался, всегда рядом ходил, куда Пётр туда и он. Царь корабли строить, Динька за ним, царь с крамольниками воевать и Динька следом. Так и мыкался, пока Алёнка всё это время домашним хозяйством да воспитанием Никитки занималась.

А меж тем уже год прошёл, как они в немецкой слободе под покровительством доброго Франца Лефорта поселились. А за этот срок умница Алёнушка приноровилась, прижилась, почувствовала себя в доме хозяйкой, да и переняла многие местные привычки. Стала одеваться в европейские платья, носить модные причёски, да осваивать науку политеса. А уж в его познании она проявила такое усердие и прилежание, что по изысканности некоторых манер благовоспитанности превзошла даже и иных слободских дам. Ну а те в свою очередь приняли её как родную и всячески помогали ей во всем, как в домашних делах, так и в воспитании Никитки.

А то, как же иначе, ведь Никитка всё-таки царёв крестник и ему надобно особое отношение. Уж коли так сложилось, что его отец почти всегда на государственной службе занят, и постоянно не может быть рядом, так здесь хоть знатные дамы с приличным образованием, посюсюкаются с его воспитанием.

Так вот и жили, когда царь в столице, то и Динька дома с Алёнкой да Никиткой время проводит, а как государь в поход, так и Дениска за ним. Ну а лапушка Алёнушка на хозяйстве остаётся. Всё оно так и шло, всё оно так и было, но вот только на втором году такой жизни Алёнка вдруг снова почувствовала, что у них вскоре опять ребёночек будет. И как только Дениска в очередной раз вернулся домой на зимнюю передышку от походов, она ему тут же обо всём и рассказала. От такого неожиданного сообщения у Диньки даже голова закружилась.

– Ну, ты у меня и пава! Радость ты моя! Да как же я люблю тебя, жёнушка ты моя синеокая!... – нежно обняв и осторожно прижав её к себе, радовался он столь счастливой новости. А уже зимой, когда, и Дениска, и царь, и войско были дома в столице, и отдыхали от ратных дел,

Алёнушка родила второго ребёночка, опять сынишку, славного мальчугана. Что ж тут сразу началось, сколько радости и веселья было.

Ну а государь вновь не остался в стороне и принял важное участие в судьбе своих друзей. В знак признательности к Дениске и его военным заслугам перед отечеством, Пётр, по случаю рождения второго мальчика возвёл его в дворянское звание, даровав ему титул светлого князя. Теперь к простой Денискиной фамилии – Шипов было добавлено дворянское окончание – «ских» и фамилия его стала – Шиповских, не хуже чем у других старинных княжеских родов. Ну и, конечно же, государь опять затеял праздник, ох уж и любил же он торжества.

Гулянье устроили такое, что оно захватило всю немецкую слободу, с фейерверком, с балом и даже с ледяным катком на Головинских прудах. Столы накрыли, снеди понавезли, вина выставили, царь расстарался. А то, как же иначе, такое дело да не отметить, как-никак у любимчиков княжич народился. Пётр подарков надарил, хорошенько поздравил и говорит.

– Ну что ж, первенцу вашему я имя дал, так уж теперь вы имя придумайте, ... да смотрите разумное, такому-то молодцу! ... – подняв бокал вина, предложил он.

– Ну, хорошо, государь, будь, по-твоему! А назовём мы его именем моего первого учителя, мастера Данилы, который поделился со мной своими знаниями, да благодаря которому я тебя государь встретил! – обведя всех гостей взглядом, важно сказал Денис.

– Вот это правильно, молодец, достойно! Ведь и я благодаря твоему учителю заполучил себе такого удалого мастера как ты, а уж, какого товарища нашёл тут и говорить не приходится, все и так знают! Будет теперь у тебя в доме свой Данила! За Данилушку, за моего второго крестника! За княжича! ... Ура! ... – воскликнул царь и одним махом опрокинул бокал.

– Ура! – подхватили гости и вслед за государем опустошили свои бокалы. Так второй сын Дениски и Алёнки получил своё имя. Потом, конечно же, были и салюты и танцы и катание на пруду, всё как положено. Но, увы, время летит неумолимо и вот уже вновь пришла весна и снова Пётр спешит в новый поход по новым делам. Дениска естественно отправился вместе с царем, а Алёнушка как всегда осталась на хозяйстве, но теперь уже не с одним, а с двумя мальчишками.

5

Растить мальчиков большая и ответственная забота, а потому в этом деле всегда надобны знающие помощники. И вот, только за счёт того что государь поселил их в немецкой слободе у Лефорта, где воспитанию дворянских мальчиков уделялось должное внимание, у Алёнки сразу нашлось много толковых помощников из числа образованных менторов. Утром к ним в дом приходил немец учитель и, невзирая на столь юный возраст мальчиков, проводил с ними занятия. Днём был ещё один репетитор, а уже вечером на пороге появлялся младший офицер денщик и выполнял все остальные поручения связанные с воспитанием княжичей.

Так уж теперь повелось, ведь Дениска отныне был не просто друг царя, а ещё и сиятельный князь, а воспитание княжых детей дело особое. Вот так постепенно и неспешно Никитке и Данилке прививалась военная выучка и немецкий порядок. И когда осенью из похода вернулся Денис, то он, первым делом, увидев своих сыновей, немало удивился.

Никитка хоть и вырос пока от горшка два вершка, но был одет на солдатский манер, в по-офицерски скроенный крохотный мундир, и уже пытался исправно маршировать, что-то бойко лепеча себе под нос. А малыш Данилка за то время пока папы не было дома, заметно подрос, и уже самостоятельно старался подняться на ножки, рьяно отодвигая ручонкой маму, хотевшую ему помочь. Дениска остался доволен увиденным, и тут же с головой окунулся в счастливые семейные заботы, уж так он соскучился по родным. А вечером к ним в гости нагрянул царь.

– Ну, это же чудо какое-то! Такие изменения! Не дети, а просто подрастающие солдаты! Наша краса и гордость! Будущий воинский оплот государства Российского! Вишь, Алёночка молодец, ... каких справных мальчуганов народила! ... – воскликнул Пётр, вытаскивая из всех карманов подарочки да гостинцы. Государь после столь долгого похода не мог не навестить своих крестников.

– Всё так государь, ты прав, ... вот только одни мальчишки и родятся, ... знать быть большой войне ... – вздохнув, сказала Алёнка, поглядывая на сыновей.

– Это ничего Алёнушка, ... ты не грусти, ... война для нас дело привычное. Мы уже не раз воевали, нам это не впервой, а надо будет, и снова пойдём! И никакому врагу спуску не дадим, никого не пощадим, отстоим нашу отчизну! А ваше женское дело рожать нам солдат, ... да побольше ... – по-доброму усмехнувшись в свои топорщащиеся усики ласково посмотрев на Аленку, подметил царь.

– Да что мы государь и делаем! Только и знаем, что детей вам родим! Ох, чует моё сердце, скоро у нас опять дитя появится ... – улыбнувшись в ответ, царю, сказала Алёнка.

– Да не уж-то, душа моя, ты снова на сносях?! – радостно воскликнул Дениска, и тут кинувшись к ней, нежно обнял её.

– Да милый, ... похоже, что так ... – кутаясь в его объятиях, счастливо молвила Алёнка.

– Ха-ха-ха! Праздник-то, какой! У моего князюшки опять ребёночек будет! – сгребя обоих своих любимчиков в охапку, закричал Пётр и немедленно устроил гулянье.

Быстро собрали стол, достали вино и закуски, набежали гости, и до утра вся честная компания отмечала эту радостную новость. И с этого вечера все начали ждать появления малышки. И так как точно никто не знал, кто же всё-таки на этот раз родиться, опять мальчишка или же наконец-то девочка, то стали гадать да спрашивать у знахарей о приметах.

Лично Алёнка, очень хотела девочку и рассчитывала на это. Такового же мнения была, и её ближайшая подруга графиня Дарья Апраксина, она всячески поддерживала Алёнку и также рассчитывала на рождение девочки. И надо же такому быть, девушки оказались правы. Пришло время, и Алёнка в положенный срок благополучно родила милую девочку. С пушистыми, как пух волосиками, с аккуратным носиком, с голубенькими глазками и алыми, словно малина губками, такая очаровательная малышка получилась, что и взгляд не оторвать.

А так как графиня единственная из подруг правильно определила, что будет именно девочка, то Алёнушка справедливо решила назвать малышку в её честь. Да так и сделали, девчужке дали прекрасное и благостное имя – Дарья. Все посчитали, что это станет добрым предзнаменованием, потому как сама графиня Дарья считалась удачливой, многого добила в жизни и при царском дворе была исключительной фигурой. Сам же Петр, узнав о таком решении, пришёл в полный восторг, одобрил его, и вместе с другими посчитал это добрым знаком.

– Замечательное имя, ведь Дарья означает, победительница! А значит, и быть посему! Ну что герой, теперь у тебя есть два воина сыночка и победительница лапушка дочка! – поздравляя Дениску, воскликнул Петр, внезапно нагрянув к нему с подарками вернувшись с Переславля, где он продолжал строить потешную флотилию. На этот раз царь ездил туда без Дениски, у Дениса было много своих дел в столице, им задумывались серьёзные проекты по литью новых облегчённых пушек специально для кораблей.

– Да государь, ты как всегда прав, лапушка-дочка! Уж такая лапушка, что Алёнка от неё ни на минуту не отходит, ... не то, что от наших мальчишек огольцов... – весело приветствуя царя, ответил Денис.

– Точно-точно, дочка это дело такое, она словно лёгкая и стремительная каравелла требует нежности и ласкового обхождения! Так что теперь у твоих мальчишек есть, кого оберегать и защищать как мать родную! Думаю, они для неё станут надёжной опорой, ... впрочем, также как и для всех нас, настоящими воинами! Кстати о воинах, как там у тебя дела с судовыми пушками?... – спросил царь и тут же переключился на военные темы. Денис, аккуратно взяв царя под руку, отвёл его в другую комнату, чтобы они своим шумным обсуждением пушечных дел не смогли помешать сладко засыпающей доченьке и убаюкивающей её Алёнке.

Ну а когда государь касался военных тем, кораблей да пушек, его было не остановить. Весь последующий остаток вечера они провели, обсуждая ядра, порох, пушки да грандиозные задумки государя. А планы у него и вправду были великими, Пётр собирался отправляться на север, на Онегу, на Белое море, супротив шведа дерзкого, давнего противника Руси, флот строить. Так образом, царь Пётр уже тогда задумывал прорубить окно в Европу. Ну а пока взрослые решали и воплощали в жизнь свои грандиозные планы да задумки великие, дети росли и развивались.

6

День за днём, месяц за месяцем, неспешно прошёл год, а за ним и второй, и третий. Мальчишки уже совсем подросли и стали выглядеть так, как и полагается княжеским сыновьям в этом возрасте. Алёнка и сама не ожидала таких успехов от своих сыновей. Братья, глядя на отца и государя, старались им во всём подражать, и тянулись стать такими же, как и они, по-военному подтянутыми, опрятными и готовыми к любым испытаниям.

Когда Дениска в перерывах между походами приезжал домой на отдых, они не отставали от него ни на шаг и брали с него во всём пример. Иной раз у них даже случались споры на тему первенства до того каждый из них хотел быть похожим на отца. Никитка, как старший брат всегда старался быть первым, и постоянно настаивал на этом, а Данилка возражал, ведь он в свои четыре года вымахал выше Никитки и очень этим кичился.

– Я выше тебя,... а это значит, что я первым за батюшкой пойду, когда он к крёстному нас поведёт... – шумел он, собираясь в гости к царю.

– А зато я старше тебя! Значит, мне быть первым с батюшкой... – резонно возражал Никитка, уже самостоятельно надевая свои сафьяновые сапожки.

– Да полно вам, все вместе, рядышком друг с другом пойдём,... то-то государь нам обрадуется... – улыбаясь, глядя на сыновей, успокаивал их Денис. Хотя у братьев и случались мелкие размолвки подобного рода, но в целом жили они очень дружно и поддерживали друг друга. Попробуй-ка хоть кто-нибудь тронь одного из них, второй тут же бежит на выручку, и уж тогда держись обидчик, спуску не будет.

А уж как они оба любили свою сестру, так тут и в словах не описать, самой первой для неё защитой и опорой были. Бежит, бывало, маленькая Дашенька по дорожке, ножками топ-топ, да невзначай споткнется, упадет, а ребята уже тут как тут. Поднимут её, на ножки поставят, отряхивают да смотрят, не ушиблась ли.

– Ах, вы мои заботливые, ах вы мои хорошие... – нахваливала их Аленка, наблюдая за ними. Так и жили, не тужили, дружно и ладненько. А как только братья подросли да постарше стали, то их тут же в военное учение отдали, здесь же в немецкой слободе специально для способных детей государем устроенное. А набралось таких отроков немало, ведь слобода-то с каждым годом всё больше становилась, росла да расширялась. Много в неё с Европы разных достойных людей понаехало, добрых помощников для государя, Россию-матушку обустраивать. И у всех у них, конечно же, тоже были дети, а им требовалось образование. Так что умных грамотных преподавателей, преуспевающих в европейских науках, также приехало немало.

Вот из числа таких приехавших педагогов, для Дашеньки и набрали учителей по разным наукам; и по грамматике, и по математике, и по геометрии и даже по географии. А для занятий танцами и политесом, Алёнушка пригласила одну чопорную англичанку, мисс Хадсон. Ох уж и привередливая же была эта мисс Хадсон, ходила в широком тёмном платье на корсаже, в строгом напудренном парике, а прежде чем начать занятия всё в свой увеличительный лорнет сурово поглядывала. Дашенька поначалу даже убегала с уроков, до того её пугал вид английской мисс. Бывало Хадсон как зыркнет на неё сквозь свой лорнет, так Дашенька от неё в сад и убежит.

– Да я лучше с братьями в догонялки поиграю, чем на такое пугало смотреть... – говорила она матери в своё оправдание. Но потом вроде как попривыкла и с уроков больше не сбегала. Может сама поняла, что занятия танцами и политесом ей пригодятся, а может, и увещевания матушки помогли. В любом случае Дашенька, а ей недавно исполнилось уже семь лет, сделалась охочая до знаний и стала с прилежанием посещать занятия мисс Хадсон. А вскоре и она сама стала внешне походить на добропорядочную спокойную англичанку.

Но это только внешне, внутри у Даши по-прежнему клокотал необузданный юный темперамент. И через месяц другой, у неё резко проявилась сильная тяга к весёлым мальчишеским играм, к каким она пристрастилась, озорничая с братьями. Ну что же тут поделать, детские годы, проведённые в военных забавах с братьями, теперь дали о себе знать. И дабы удовлетворить свою потребность в них Дарья попросила маменьку, чтобы та наняла ей ещё и мастера по фехтованию со знанием военных наук.

– Делать нечего раз у ребёнка есть пристрастие к этому, то его надо поощрять... – решила Алёнка и пригласила для занятий фехтованием известного французского маэстро боя на клинках, маркиза де Ля Криньёна. Тот, узнав, что его ученица не простая девочка, а крестница самого царя немедленно и с удовольствием взялся за дело.

– Но только я вас очень прошу маркиз, до поры до времени сохраняйте эти занятия в тайне ото всех,... мне бы этого очень хотелось... – попросила Аленка, нанимая его.

– О мадам ваше желание для меня закон! Я всё прекрасно понимаю, и если вы этого хотите, то от меня никто и никогда не узнает, что ваша дочь владеет шпагой... – вежливо поклонившись, заверил её француз и, закрыв рот на замок приступил к занятиям. А такие условия были просто необходимы, ведь в ту пору не приветствовалось, чтобы юные особы женского пола брали в руки шпагу и занимались фехтованием, и уж тем более интересовались военным искусством. Такие вот были времена. А князь Денис, приехав из своего очередного похода, и узнав о новом увлечение малышки дочери, только порадовался за неё.

– Да я знал, что всё так и станется! Ну не может же дочь князя, царская крестница, изучать только политес, танцы, да математику с грамматикой! Вот что значит, отеческая кровь, как бы там ни было, всё равно зовёт к оружию! Ну и правильно и пусть учится! – радостно заключил он, похвалив избыточное рвение дочери к шпаге. А уж то, что рвения у неё было хоть отбавляй, сомневаться не приходилось.

Дарья так рьяно, так страстно взялась за фехтование, что через два с лишним года усердных занятий, она по многим показателям приблизилась к своему учителю, и даже более того в некоторых ключевых приёмах превзошла его. Для своих теперь уже почти десяти лет Даша прекрасно владела клинком. И хотя её шпага была по размерам чуть меньше и легче чем боевая, но это не мешало Даше управляться с ней настолько сноровисто, что иным воинам и с настоящим оружием не поздоровилось бы, схватись они в бою. Вот такой смелой и дерзкой росла Даша. Её братья также преуспели в своём начальном образовании и, достигнув определённого возраста, были отправлены царём за границу, получать знания по навигации и другим морским наукам.

– Зело ума разума европейского наберётесь, а как вернётесь, так глядишь ещё и наших недорослей поучите!... Не посрамите отчизну, учитесь примерно, а по возвращении будет у меня к вам особое задание! Так и знайте, мне в помощь учиться едете!... – напутствовал Петр, направляя их в составе небольшого посольства в Амстердам. Так Аленка с Дашенькой опять остались одни. Денис на государственной службе, постоянно в разъездах, а братья за границей, знания получают.

– Эх, дело наше такое,... солдатским жёнам да матерям, сидеть и ждать своих родных. Хорошо ещё что ты со мной,... и то смотрю долго дома не усидишь, чует моё сердце того и гляди, за братьями в след ринешься... – немного шутивно и в тоже время грустно сказала Алёнка наблюдая как Дашенька страстно осваивает науку боя на шпагах.

– Ничего мамочка не ринусь, это я так на всякий случай готовлюсь,... а ну как пригодиться, времена-то ныне какие лихие, всякое может случиться... – отвечала Дарья, продолжая успешно заниматься.

И кстати, Даша была успешна не только в фехтовании, но и во всех прочих науках, будь то политес, грамматика, математика или же бальные танцы. Но и это ещё не всё, Даша, глядя на то, как государь стремиться сделать из России морскую державу и усердно строит флот,

старалась, чем могла помогать ему в этих его чаяниях. Она стала, здесь же в немецкой слободе, на Гловинских прудах, организовывать водные сражения на небольших лодочках, кои были в распоряжении местной ребятни. Сама же Дарья всегда выступала в роли капитана. И смело заняв своё место на мостике, направляла в атаку командирский ботик на другую сторону пруда, туда, где в мрачном бастионе засел воображаемый неприятель.

Вот так, в небольших водоёмах, в малых прудах зарождались навыки юных последователей дел Петра. И что интересно именно в таких детских забавах-баталиях и выявлялись самые лучшие, самые достойные качества характера. А таковых у Дашеньки набралось большое количество. Помимо того что она была смела, смекалиста, проворна и вечная заводила, она ещё была честна, отзывчива, справедлива и милосердна по отношению к своим побеждённым товарищам по играм. И за эти благородные качества ребята очень уважали, любили её и тянулись к ней. А когда Дарье исполнилось шестнадцать лет, на её день рожденья собралось столько друзей, что места в их доме не хватало и торжество отмечали на противоположном берегу Яузы в просторном дворце царя Петра.

7

К своим шестнадцати годам Дашенька заметно выросла и изменилась, из маленькой весёлой девчонки-непоседы, заводилы ребячьих забав, получилась настоящая юная красавица. Стройная, русоволосая, голубоглазая, с обаятельной белоснежной улыбкой, она, девушка обворожительной привлекательности, стала теперь просто мечтой юношеских грёз. Государь на дне рождения, впервые увидев Дашу в роскошном взрослом платье, в изящных украшениях, разодетой по последней европейской моде, не мог не отметить такого её великолепия.

– Ну, какая же ты красавица выросла! Любо-дорого посмотреть! Всем пример и одетато она как принцесса, и стройна, и умна! Смотрю на тебя крестница, и душа поёт! Ты словно воплощение нынешней России, такая же молодая, красивая, бесстрашная и смело шагающая вперёд! Ай да Дарьюшка, ай да княжна, порадовала! – искренне восхищался царь, поздравляя свою любимую крестницу с её праздником.

Все кто был в этот момент во дворце, все слышали столь превосходную оценку государя. И на следующий же день, вся немецкая слобода, по крайней мере всё её женское население, загорелось страстным желанием быть похожими на юную княжну, притом как в манере одеваться, так и в хороших манерах общения с людьми. Сама же Даша, как ни в чем, ни бывало, продолжала вести себя также как и раньше. Лестная похвала государя нисколько не вскружила ей голову, а наоборот лишний раз доказала Дарье, что она на правильном пути и что ей по-прежнему надлежит усердно заниматься, как точными науками с политесом, так и бальными танцами с фехтованием.

А всё так дальше и пошло, всё так и продолжилось. Но, вот как-то однажды, быть может, случайно, а может и нарочно, но в слободе сгорела торговая лавка с припасами тканей и всякой такой европейской бижутерией, а хозяин её толи сбежал, толи его украли, но вот только исчез он, словно и не было его. Хорошо ещё, что пожар не перекинулся дальше на другие дома, а сгорела лишь одна эта лавка и всё.

Может быстро потушили, а может именно так, и было задумано, но только после этого пожара, ни тканей никаких роскошных, ни украшений европейских в слободе не стало. И все столичные модницы, разом загрустив, тут же обратились к Францу Лефорту с просьбой, мол, не можем мы без такой лавки наряжаться как желаем, поспособствуй, говорят, заведи быстрее новую. Лефорт был человеком добрым и дамам всегда помогал, просьбам модниц внял и срочно отписал в Европу, чтобы оттуда прежнему лавочнику быстрее замену прислали. И надо же такому быть, в тот же месяц, как на удивление, словно в Европе и ждали такого случая, прислали другого лавочника-негоцианта.

Ну, уж лавочник так лавочник, всем лавочникам лавочник. Такого как он, народ в слободе всего выдавший, уж точно ещё не видывал. Парик на голове высокий, словно башня, а напудрен, так что рядом стоять невозможно, чихать хочется. В лорнет свой, изумрудами да рубинами отделанный повсюду, так и зыркает. Знай, себе поглядывает, и по поводу и без повода лишь бы форсу навести. А камзол у него весь бисером, что платье женское, расшитый, а зауженный такой, что сзади фалды смешным пучком топорщатся. Люди, посмотрев на этот пучок, так его про меж себя и стали кликать – Пучком.

– Смотрите... – говорят, – вон Пучок идёт... – и хохочут, хотя сам он себя называл звучным и обольстительным именем Диметриус-Страстный. А говорил он мягко и с немецким акцентом, нарочито выговаривая вместо буквы «В» букву «Ф», считал, что это звучит красиво и придаёт ему ещё больше шарма. Правда иногда, когда забывался, то говорил чисто и без изыяна, но почти сразу спохватывался и вновь коверкал слова, дабы выглядеть своеобразным.

В общем, модник был такой, что люди поначалу смеялись над его видом и ужимками, и только когда чуть пообвыклись, лишь тогда перестали хихикать. Дивились такому франту,

дивились, смеялись, потешались, а в лавку его всё равно ходили, ткань да платья покупать-то надо. Ну а лавочник-хитрец немного пообжился да знакомства выгодные заводить давай. То с какой графской семьёй через жену или дочку, что у него товар брали, познакомится. То глядишь, с боярином каким важным уже беседу ведёт, в гости напрашивается, плезиры обещает. Ох, и шустрый малый оказался.

А вскоре все так попривыкли к его присутствию, что это стало даже модным приглашать его в гости. Кто из столичной знати хотел выделиться среди прочих, то заводил знакомство с Европейским лавочником-негоциантом из немецкой слободы. Так и стал он вхож почти во все мало-мальски значимые дворянские семьи столицы. Приглашали его и на именины, и крестины, и даже на свадьбе он первый гость, а уж про балы да празднества всякие, коих в то время проводилось множество, и говорить не приходится, там уж лавочник Пучок завсегда в числе приглашённых был.

Он на вроде такого популярного талисмана сделался, где у кого какое торжество, так его туда тут же и зовут, по-доброму привечают, за стол как самого важного гостя сажают. Вот только в одном семействе ему не рады, к себе не зовут, не привечают, а семейство это Алёнкино с Дашенькой было. И это не потому, что пока мужчин в доме нет, братья по-прежнему так и учились в Амстердаме, а князь Денис с царём Петром постоянно в разъездах находился, а всё, потому что он как-то Дашеньке не глянулся.

– Уж больно он весь сахарный, слащавый какой-то, приторный! Не приятный хлыщ! Такой как он, речи сладкие лопочет, в глаза смотрит, а сам вроде чего выведать желает, в доверие втирается, ... подарки дарит, улыбается, а сам какую-то мысль чёрную, лукавую в душе прячет! Ох, и не нравится мне он... – случайно повстречав Пучка на улице, высказалась про него Даша.

8

И ведь оказалась права, сразу разобралась, что он не тот человек, за которого себя выдаёт. Хоть Пучок и называл себя красиво и обаятельно Диметриусом, но на самом деле его звали Демосфен-Гоблинус, и был он коварным и изворотливым лазутчиком, посланным со стороны шведского короля Карла. Дошли до Карла слухи про то, что царь Пётр собрался большой город на Балтике строить, и что город тот преградой непреодолимой станет на подступах к границам государства Российского. Вот и послал шпиона на землю русскую, дабы тот проник в царское окружение, разузнал всё и по возможности предотвратил задуманное нашим государем.

А для того чтобы всё это осуществить и подозрений не вызывать, для этого тайные агенты заранее прежнюю лавку спалили и старого купца извели. Хитро всё аспиды задумали, заранее место для Пучка подготовили. Ну а Пучок ловко этим воспользовался, внедрил и затеялся к нашим вельможным господам в доверие втираться, да тайны государственные у них выведывать. И, наверное, всё бы у него получилось, и всё бы он злодеев прознал, да только так уж случилось, что все самые полезные из его знакомств толком ничего и не значили, вельможи те про будущие царёвы планы ни бельмеса и не знали и не ведали.

– Да кто же мне наконец-то сможет всё рассказать, ... да где бы мне взять такого болтуна чтобы всё знал и мне сказал ... – размышлял он, прогуливаясь как-то вечером по слободе, всё, пытливо высматривая, и вынюхивая. И тут ему вдруг на глаза попался дьяк Прохор из соседнего Преображенского приказа. Дьяк иногда заходил в лавку к Пучку за лентами, и они, хоть и шапочно, но были знакомы. Ну а сейчас дьяк возвращался из гостей от своего шурина и был в изрядном подпитии.

– Ха, дьяк Проша, здороффо! Что это тебя так качает, фроде фетер-то не дует ... – ёрнически подшутив над ним, поздоровался Пучок.

– А лавочник, ... ну, здорово! Да вот с именин шурина иду ... и чую, мало я вина выпил, ... думаю в кабак зайти да ещё принять чуток ... – смачно икнув, ответил дьяк, и косо посмотрев на Пучка, добавил.

– А может ты мне компанию составишь да угостишь, ... говорят у тебя денег многовато и ты их на вино не жалеешь ... – Пучок услышав такое предложение только обрадовался.

– А почему бы и не угостить хорошего челофффека финном! Идём куплю тебе кружечку, посидим фыпьем погоффорим ... – весело поддержал он предложение дьяка и, поманив его рукой, направился в кабак. Дьяк хоть и не твёрдо стоял на ногах, но услышав согласие, вприпрыжку пустился за Пучком. Через пять минут они были уже на месте. В кабаке Пучок заказал штоф вина и, усадив дьяка специально за дальний стол, чтобы их никто не видел и особо не мешал, стал исподволь допытываться до него.

– Рассказыффай мил друг, как тебе жифётся, ... как служба тфоя, ... что ноффого гоффорят, какие дела в свете тфоряться ... – мягко нашёптывал он. Дьяк, ничего не подозревая, потому как многие разговоры начинаются такими незамысловатыми вопросами, томно начал рассказывать ему о приказной службе, о ружьях, о порохе, в общем, ни о чём серьёзном. Но тут как раз принесли вино и дьяка, словно подменили, он оживился и даже слюнки пустил. Пучок чувствует, дьяк расслабился и готов на любые вопросы отвечать, и ну давай ему наливать да поддакивать.

– Да-да служба тфоя тяжёлая, ... жизнь тфоя незафидная, ... не то, что у царя, он-то фишь фсё ф радости да ф уюте купается. То себе не потеху фейерферки запускает, то балы устраивает, а то и города нофые строить затефает, ... небось, ты тоже об этом чего слышал? – подливая дьяку винца подстрекал его Пучок рассказать о царских тайных делах. А дьяк Прошка голова простая, ну что с него взять, ничего не понимает, к кружке тянется, вино пьёт. Выпил, крякнул да ещё просит.

– Эх, винцо-то забористое хорошо пошло,... подливай! А что касается царя, так он мне не докладывается, что он там делать желает,... но вот только есть люди, от которых он ничего не скрывает да дружбу с ними водит... – чуть с обидой, пристукнув кулаком по столу, молвит пьяный дьяк.

– И что же это за люди такие, что для царя дороже фферного дьяка приказного?... – задевая Прошку за живое подначил его ещё больше Пучок, почуяв что у того есть нужные для него сведения.

– Да живёт здесь в немецкой слободе князь один,... из простого подмастерья своими заслугами перед отечеством в друзья к царю выбился. Царь его привечает, дом ему дал,... сыновей его в Амстердам на учёбу послал,... жене его да дочери почтение оказывает. Вот они-то всё про планы государевы и знают,... и куда он войной пойдёт и что строить желает,... а всё потому, что они в любимчиках у него ходят, он от того ничего не скрывает. Вот и сейчас, сам-то князь с государем в походе, а жена его с дочерью благотворительный бал устраивают по случаю открытия первого военного госпиталя. Меня так не пригласили, говорят, мол, пью я много да болтаю лишнего... – явно завистливо, проговорился дьяк, и от досады скрипнув зубами, отхлебнул ещё глоток вина.

– И что же это за князь такой?... а я его знаю? – как бы невзначай тихонько спросил Пучок.

– Да знаешь, как не знать,... это князь Денис, что у Головинского пруда в хоромах живёт... – вытерев рот рукавом, пробурчал дьяк и, не успев ещё что-либо сказать, прямо на ходу заснул, уткнулся носом в стол и засопел, как ни в чём и не бывало.

– Очень хорошо, что уснул, ну а как проснётся, так наверняка и помнить не будет, о чём говорил,... а сказал-то он немало. Важную вещь сказал дьяк, теперь-то я точно знаю к кому мне надо подступить. И то, правда что-то я на это семейство совсем внимания не обращал и зря не знакомился,... хотя и слышал про них немало. Как-то мне теперь надо к ним на праздник попасть... – понимая, что он выявил то, что хотел, наморщив лоб, задумался Пучок.

9

Но размышлял он недолго и, оставив дьяка в кабаке, прямым ходом отправился к одному своему знакомому вельможе, который по своей должности обязан был обязательно идти на этот благотворительный бал. Вельможа тот был важный сановник – посланник датского короля, барон Шпиндихух, он всегда посещал подобного рода торжества. Пучок, едва найдя барона, тут же бросился к нему со своим делом. Изобразив на лице одну из своих самых слащавых улыбок, он попросил его, чтобы тот замолвил за него словечко и взял его с собой. Шпиндихух был человеком широкой души и, пожалев известного своей чудной оригинальностью коммерсанта, согласился.

И вот сейчас в голове у Пучка зародился новый хитрый план, как он лестью, уговорами и дорогими подарками вотрётся в доверие к дочке и жене сиятельного князя, выведает у них нужные сведения, а если повезет, то и подкрадётся поближе к самому царю Петру. Ну а для выполнения такого важного и коварного плана он стал готовиться основательно, уж что-что, а очаровывать дам, он умел и любил. Пучок думал и рассчитывал, что и в этот раз у него получится всё также как и всегда, но только не учёл лукавый льстец, что очаровать Дашу и Алёнку не так-то просто, что они ни какие-нибудь там придворные вертихвостки, а верные царю и отечеству люди.

Но пока Пучок об этом ещё не знал и особо ни о чём не задумывался. Он как мог, нарядился более завлекательно, выбрал, как ему казалось самый изысканный камзол и самый шикарный по-модному напудренный парик. Подкрасил себе угольком брови и ресницы, что он делал в исключительных случаях, обрызгался ароматными цветочными духами и, как окончательный штрих подвёл себе губы красной жирной помадой. Да, выглядел он, конечно же, в отличие от остальных жителей слободы, чрезвычайно вызывающе и вот этим-то видом он и вознамеривался привлечь внимание княжны и княгини.

– Им теперь не устоять супротив моего шарма! Какофф красавец прямо греческий бог Аполлон!... – крутясь у зеркала, восклицал Пучок, собираясь на бал. Но вот пробил час, и он, спешно присоединившись к барону Шпиндихуху, отправился на праздник, покорять сердца очаровательных хозяек дома. Очутившись на балу, Пучок первым делом постарался найти своих прежних знакомых, чтобы те отрекомендовали его другим гостям. Ну а сам при этом ходил гоголем, всячески тряс фалдами своего узкого камзола, демонстративно поправлял парик и важно осматривал всех в свой драгоценный лорнет. Он словно всем своим видом говорил, смотрите же на меня, смотрите какой я красавчик, смотрите, как я шикарно выгляжу. В общем, воображал как мог.

Хитрец прикладывал кучу усилий, чтобы отличаться от других гостей и предстать перед хозяйками бала в выгодном свете. А после того, как его наконец-то представили им, он потом ещё несколько раз намеренно прошёлся перед Дарьей чтобы продемонстрировать ей свой наряд. Мол, вот он я какой молодец-удалец, и зря вы до этого со мной знаться не хотели.

Весь расфуфыренный, словно балаганный паяц, Пучок, поглядывая в сторону княжны, многозначительно таращил свои подведённые глаза и выпучивал напомаженные губы, пытаясь заинтриговать её этим. Он-то ожидал, что обезумевшая от счастья его видеть княжна, тут же бросится ему на шею и признается в любви. Но она почему-то вместо этого лишь только рассмеялась. Дашенька, едва завидев его чрезмерное жеманство, сразу же поняла, что он пытается произвести благоприятное впечатление именно на неё, и тут же прикрыв лицо веером, продолжила посмеиваться над его выходками.

– Мама, да ты посмотри на него, он никак собрался очаровать меня своими потешными гримасами... – прыснув в очередной раз смехом, заметила она, украдкой показывая на Пучка.

– Ну не знаю, может у них там, в Европе, так принято за девушками ухаживать, сначала рассмешить её, а потом уже и на танец пригласить. Ты уж сильно-то не потешайся над ним, кто знает, может он ещё и убогий какой, а над ними смеяться грешно, ... смотри, вон, как глазами таращится, не ровён час они у него из орбит повыскакивают... – подшучивая над Пучком, ответила Алёнка, и также прикрылась веером, дабы тот не заметил её усмешек.

– Ну, хорошо пусть будет так. Пока отнесусь к нему как к чудному убогому, а там посмотрим кто он таков, ... не гнать же его сразу вон. Уж коли пришёл так пускай повеселиться и неважно, что выглядит как недочеловек! – весело откликнувшись на шутку матери, сказала Дарья, и ведь оказалась не так уж и далека от правды.

Мало того что Пучок был шпионом шведского короля, и выглядел как недочеловек, так он ещё и был таковым. А именно, он был порождением болотных жителей, гоблинов подземных да троллей лесных. Нет ну во всех своих нарядах и с людскими повадками, он, конечно же, выглядел как человек, но вот сама его сущность была чёрная, гадкая, звериная, не любил он людей и всячески старался им вредить.

История его происхождения проста и неинтересна, появился он на свет в колдовской семье гоблинов и троллей, что проживали в болотистой местности на севере Дании, но родиной своей он считал все те места, где затевалось хоть какое-то злодейство. Будучи ещё маленьким Демосфен-Гоблинус метался по всей Европе и там где жестокие люди готовили коварство, становился на их сторону и уже вместе с ними творил страшное зло, всячески вредя всем, кто попадался на его пути, и с каждым разом всё больше совершенствовался в изощрённости своих злодеяний. Демосфен не мог жить без зла, он просто им питался, совсем так же, как люди едят пищу.

Вот и в этот раз он, узнав, что король Швеции хитрый и злобный Карл, готовит против России недоброе, подался к нему на службу и встал на тёмную сторону злодейства. В его руках была страшная колдовская сила гоблинов-троллей, и всю её он стремился употребить во зло царю Петру, дабы смести его с пути шведского короля. Тогда бы Карл беспрепятственно пошёл на Россию с разорительной войной, а ему Демосфену – мерзкому гоблину, жадному до чужого горя, от этого была бы пожива великая.

И вот теперь у него была верная возможность подобраться поближе к царю Петру, оставалось только завоевать расположение княжны Дарьи, и уже через неё разузнав все государевы планы навредить ему смертельно. Вот Пучок и изгалялся, старался как можно лучше себя представить. И всё-то у него замечательно выходило, но уж больно он подозрительно навязчиво хотел завладеть вниманием Даши. Да так что она, хоть и потешалась над его забавными ужимками, но всё же насторожилась.

– Что-то уж больно он важно старается, ... никак что-то худое замыслил, пугало заграничное, ... надо бы подыграть хитрецу да выведать, что ему от меня надобно. При первой же возможности сдружусь с ним... – задумала Даша, смекнув, что ей будет лучше ответить Пучку взаимностью и разузнать всё про его планы. Ну а Пучок долго себя ждать не заставил, и как только зазвучала музыка, и начались танцы, он уже был тут как тут и, склоняясь перед Дарьей в искусном реверансе, пригласил её на полонез.

– Прошу фас княжна не откажите, ... я так дафно мечтал об этой минуте... – согнувшись в три погибели, с лукавой улыбкой на накрашенных губах, как можно слаще произнёс он.

– Ну отчего бы и нет... – только всего и ответила Даша, тут же подала ему руку и вступила с ним в танец. Легко кружась, изящно выполняя пируэты, и широко по-доброму улыбаясь, Дарья так ловко очаровала Пучка, что тот, и опомниться не успел, как ощутил к ней до этого неведомые для него трепетные волнительные чувства.

– Не может быть, ... что это со мной, ... это невероятно... – смутившись, сбиваясь с такта, покрывшись под толстым слоем пудры стыдливым румянцем, еле поспевая за княжной, подумал он. И едва прекратилась музыка, Пучок тут же откланявшись, резко выскочил на улицу.

Ему срочно потребовалось придти в себя. Дарья мгновенно сообразила, что произвела на него должное впечатление, и спокойно осталась ждать, когда он вернётся.

– Попался голубчик, ... ничего, никуда ты теперь не денешься, вернешься, как миленький, ... я из тебя вытяну все твои тайны ... – размышляла она, поглядывая на двери. И она оказалась права, через минуту отдышавшись и совладав с собой, Пучок вернулся, и тут же бросился к Дарье с объяснениями.

– Прошу меня простить ..., просто уж больно много пудры на парике, ... совершенно случайно попала в глаза ... – почтенно приклонив голову растерянно оправдываясь, соврал он и, услышав вновь заигравшую музыку, немедленно пригласил её на танец. На этот раз всё прошло без неожиданностей, танец закончился, и они вместе, как и положено отошли в сторону, учтиво заговорив о простых вещах, о погоде, о моде, о музыке. Ну а потом был ещё танец, и ещё, и они опять, и опять танцевали. В общем и целом вечер удался и прошёл без происшествий, и вот когда уже всё закончилось и гости стали расходиться, Пучок подошёл к Даше и, набравшись духу, прощаясь с ней, спросил.

– Может зафтра фстретимся? Мне нужно признаться фам ф чём-то очень фажном ..., я был бы очень благодарен, если бы фы сразу после полудни пришли на Голффинский пруд к ротонде ... – явно волнуясь, склонившись в поклоне, дабы не смотреть княжне в глаза, тихо прошептал он.

– Отчего бы и нет, ... приду ... – лаконично ответила Дарья, и Пучок усердно распинаясь в реверансе, удалился. Конечно, можно было бы отказаться и послать его к чёрту, но Даше хотелось убедиться в своих подозрениях и узнать точно, что собой представляет этот странный лавочник, опасен ли он, и если да, то насколько.

А Пучок в свою очередь хотел проверить, что же это всё-таки за такие чувства, кои нахлынули на него на балу, затронув нежностью и трепетом его звериное сердце. Ему надо было убедиться в том, что это всего лишь смутный зов природы, а не настоящее душевное расположение чувств. Ведь само понятие «душа» ему было чуждо, и он всегда руководствовался только звериными инстинктами, а тут он вдруг испытал такое смятение.

10

И вот на завтра они, как и договаривались, встретились у ротонды на Головинских прудах. И у Пучка сразу же едва он только краем глаза заприметил беспечно шагающую ему навстречу княжну, яростно забилося сердце. Оно было готово пробить его грудную клетку и выскочить наружу.

– Да что же это со мной твориться, ... надо с этим бороться, ведь моя главная задача попасть в её семейство и вывести тайны царя Петра, а ни какая-то там любовь ... – остановившись как вкопанный, не в силах сделать ещё и шага, талдычил он себе под нос.

– Ну что же вы Диметриус, что с вами, у вас как будто ступор ... – подойдя к нему ближе и весело засмеявшись, сказала Дарья, глядя в какой несуразной позе тот застыл.

– О нет-нет, что фы, ... фсё ф порядке, это просто что-то в пояснице щёлкнуло ... – опять оправдываясь, соврал он и принялся усиленно приседать, доказывая ей, что всё дело якобы и вправду в пояснице.

– Ну, ничего-ничего, это бывает, ... особенно если ходить в столь утягивающем камзоле ... – тут же подшутив над его привычкой носить узкие в талии наряды, задорно улыбаясь, подметила Даша и, тут же дабы не терять попусту времени перевела разговор в другое русло.

– А что, ... говорят, нынче в Европе мода меняется, ... у вас, верно, есть с заграницей связи, ... вы про это что-нибудь знаете? – сходу огорошила она Пучка таким прямым вопросом.

– О нет что фы! Я пока ещё ничего не знаю, ... это фам кто-то про мои сфязи не прafilьно сказал ... – явно пытаясь, выкрутится, враз выпрямившись, живо ответил Пучок.

– Да мне никто про вас ничего и не говорил! Это я так предположила! Ведь у такого изысканного модника как вы, по-моему, должны быть связи с Европой ... – лестно откликнувшись об его облике, схитрив, парировала Даша.

– Ну, фообще-то я кое-что узнаю от заезжих негоциантофф, ... они мне много чего интересного говорят ... – зардевшись от такой любезной оценки, растаял Пучок, признав, что у него всё же есть некоторая связь с заграницей.

– И что же такого интересного они говорят? – продолжая некую игру в дознание, спросила Дарья, и проникновенно посмотрев в его подведённые глаза, нежно взяв его под руку, предложила ему прогуляться. Благо погода в это полдень просто-таки благоухала. Пучок беспрекословно повиновался и, не смотря на то, что у него от её прикосновения зачастило дыхание и резко пересохло в горле, он всё же попытался продолжить этот сложный для него разговор.

– Ну, о разном гофорт, о ценах на пушнину, о богатых урожаях, о пеньке, о тканях. А ещё гофорт, мол, государь, если случится фойна, фсю Ефропу за пояс заткнёт и не почешется! Ну, нечто такое фозможно!? – ответив на простой вопрос Дарьи, каверзно спросил он, невзирая на трепет и волнение, охватившие его.

– Ну, то, что государь с Европой сделает это мне не ведомо, а вот то, что мне носить в следующем месяце придётся, какая мода будет, какие платья одевать, то вот это мне очень интересно! И вы мне про это расскажете? ... – окончательно убедившись из его вопроса, что Пучок хитер, лукав и может быть очень опасен, резко изменив тему разговора на модную, спросила Даша.

– Ну что же про это можно и рассказать, ... прежде фсего начнём с лент на талии и корсажах ... – начал свои изъяснения Пучок, поняв, что на этот раз он от княжны более ясных ответов на счёт царя не получит. Больше вопросов о политике и государстве в течение этой беседы они не касались. Прогулявшись вдоль прудов дойдя почти до самой Яузы, они остановились, проговорили ещё несколько минут, развернулись и, вернувшись к ротонде, расстались, обоюдно довольные сегодняшней встречей, каждый узнал то, что хотел.

Пучок то, что Дарья ещё умнее, чем он думал и прекрасней чем ожидал и что ему теперь будет трудно совладать с его вдруг проснувшейся человеческой стороной натуры, и что любовные вспышки чувств, овладевающие его звериной частью, становятся всё сильнее и сильнее. Осознавая это, он тут же бросился в своё логово, в то мрачное подземелье, кое он обустроил себе под своей торговой лавкой и стал там варить колдовское зелье, дабы отвратить от себя любовь. А Дарья окончательно убедилась, что Пучок хоть и выглядит иной раз потешно, но на самом деле является хитроумным лукавым и коварным противником.

– Надо бы с ним получше сознакомиться,... ведь недаром же умные люди говорят: «Хочешь победить своего врага, стань ему другом и держи его ближе, чем мать родную»... – вспомнив воинскую мудрость, решила она и с завидным постоянством стала отвечать на ухаживания Пучка.

Так они и продолжили встречаться. Гуляли в парках немецкой слободы, плавали на лодке по прудам, и даже иногда катались в карете, разъезжая по соседним слободам. Правда лошади, поначалу чуя звериное нутро Пучка, шарахались от него, но чуть позже, когда он сдобрил свою внешность изрядной порцией цветочного парфюма, повели себя смирно. Сам же Пучок конных поездок не любил и боялся, предпочитая им длительное плаванье на лодке. Особенно его тянуло к тем местам, где было много камыша, и пруд переходил в болото с топью, там он начинал чувствовать себя совершенно иначе.

Его обычно мутные глаза сразу светлели и наполнялись искорками, сам же он становился ярко взъерошенным и еле сдерживался, чтобы не спрыгнуть с лодки в гущу зарослей камыша. Дарья спокойно относилась к таким поползновениям Пучка и, продолжая всё внимательней наблюдать за его столь эксцентричным поведением, делала выводы, что она поступила правильно, удерживая его возле себя на коротком поводке. Ну а немного погодя, сделавшись уже довольно-таки изученным, Пучок был допущен в дом к Дарье и стал периодически бывать у неё в гостях.

Княгиня Алёна ни сколько не удивилась столь странному посетителю, ведь Дарья заранее предупредила её, для чего она всё это делает. Ну а в правильности намерений своей дочери Алёнка никогда не сомневалась, и потому привечала Пучка, как порядочного европейского господина, угощая его всевозможными домашними разносолами и сладким сидром. Обычно откушав вкусных щей, выпив рюмочку другую хмельного напитка и смачно закусив всё грибами, Пучок становился чрезвычайно словоохотливым и с лёгкостью рассказывал Дарье многие интересующие её вещи. Так со временем, узнав от него практически всё, что ей требовалось, она, перейдя с ним на простецкое обращение, стала держать его ещё ближе к себе, чтобы тот без её спроса, вообще не смел и шагу ступить, дабы сделать его абсолютно безопасным. Но всё это длилось до поры до времени.

И вот однажды уже ближе к осени со своего заграничного обучения внезапно вернулись её братья Никитка и Данилка. Красавцы-молодцы, разодетые в расшитые золотом камзолы-мундиры моряков, они произвели фурор в среде юных барышень немецкой слободы. Княгиня Алёна была просто на седьмом небе от счастья, ну а то, как же иначе, ведь сыновья вернулись. И, конечно же, особенно рьяно радовалась Дарья, она так соскучилась по своим братьям, что на первых порах совсем забыла о своём новом знакомом и даже не удосужилась рассказать им о его существовании. Вот до какой степени все они были увлечены своими семейными хлопотами, заботами и делами, им ни о ком другом не хотелось ни думать, ни говорить.

Ну а вскоре, буквально через несколько дней, из похода вернулся и сам князь Денис, и понятное дело вместе с ним и государь. Ну и, само собой разумеется, едва они переступили порог дома, как тут же затеяли весёлое застолье. Попарившись в баньке и смыв с себя дорожную грязь, Денис с государем немедленно поспешили занять свои места за пиршественным столом. Напитки лились рекой, от закусок ломились блюда, трещали подносы, царь Пётр шутил и балагурил, вспоминая былые походные неурядицы, кои сейчас казались ему смешными и

незначительными. Шум и гам, суматоха и радость буйствовали в княжеском доме, разнося веселье по всей немецкой слободе.

11

И надо же было такому случиться, что Пучок в то же самое время уязвлённый явным невниманием Даши к его особе, собрался и пошёл к ней в гости напомнить о себе. Уже всё ближе подходя к её дому, он от попадавшихся ему на встречу прохожих узнал, что в княжеском доме стоит пир горой и там присутствует сам государь.

– Ага, вот это удача,... сейчас самое время появиться и втереться в эту идиллическую картину. Может, просто удастся разузнать что-нибудь важное,... а может,... если уж совсем повезёт, то и отравить царя... – злобно ухмыляясь своему замыслу, подумал Пучок и резко прибавил шаг, поправляя обшлаг рукава, где у него хранился флакон с ядом.

Злодей всегда носил его с собой на всякий случай, мало ли что. В его шпионском ремесле всегда мог появиться нежелательный свидетель, которого надо было бы срочно устранить. Но, слава богу, до сих пор ему не пришлось воспользоваться содержимым этого флакона, и все его собеседники оставались в живых. То ли они оказывались не опасными для Пучка, то ли не представляли интереса, но только яд пока так и оставался не применённым. И вот сейчас, прямо в этот момент ему представлялся очень удобный случай, хитрым отравляющим ударом избавить своего хозяина короля Карла от столь сильного и грозного противника, от самого царя Петра.

– Пусть он лишь только на чуть-чуть отвлечётся и станет невнимателен, я тут же воспользуюсь этой оплошностью и отправлю его на тот свет... – нервно потирая кончик обшлага, бормотал Пучок, подходя к дому Даши.

– Ну а сейчас пора надеть улыбочку... – ехидно шепнул он, убрал с лица злобную физиономию и, расплывшись в кривоватой белозубой улыбке, постучал в дверь. Буквально через мгновение дверь открылась, и на пороге показался Никита.

– Это ещё что за чудо? Чего тебе, мы вроде шутов да скоморохов не звали!... – глядя на разодетого Пучка добродушно улыбаясь, сказал он.

– О фы не прафильно поняли мой наряд! Я не артист я друг Дарьи и я пришёл её профедать! Мне можно её уфидеть? – заискивающе поклонившись, залепетал Пучок, увидев перед собой такого богатыря.

– А, это можно,... сейчас... – ответил Никита и тут же позвал сестру, – Даша, тут к тебе какое-то чучело ряженное пришло,... говорит твой друг... – по-простецки крикнул он. Даша вмиг откликнулась и быстро подбежала.

– Да нет же, это не чучело,... это наш знакомый,... заграничный лавочник Диметриус,... зашёл в гости!... – смеясь из-за растерянно-глупого вида Пучка, сказала она.

– Проходи,... идём за стол,... у нас тут как раз государь в гостях,... может, ты ему сам свои вопросы задашь... – взяв за руку сконфуженного Пучка и затаскивая его в дом всё также весело потешаясь над его видом, добавила Даша. И уже подведя его к столу, громко представила.

– Это Диметриус,... купец-негоциант из Амстердама! Снабжает нас тканями, лентами, блестками, да и всякой другой мишурой,... очень учёный и любознательный человек, постоянно интересуется планами по обустройству России... – сказала она, и уже было хотела усадить его около себя, как вдруг из-за стола резко поднялся государь.

– О как,... забавно,... надо же из самого Амстердама! А ну-ка иди сюда друг негоциант,... садись-ка со мной рядом,... посидим, поговорим, расскажешь мне о своём беспокойстве за Россию! Я, видишь ли, город на Балтике ставлю, дабы к Европе ближе быть,... может, и ты мне что присоветуешь!... – шумно пододвинув стул для Пучка, воскликнул царь, и без всяких особых церемоний схватив его за плечи, усадил подле себя.

– Ну, рассказывай, как торг ведёшь?... Как далее Россию мою видишь?... А может у тебя какие потребности есть?... – тут же закидал его вопросами Пётр, одновременно наполняя до краёв предназначенный для Пучка фужер.

Пучок сначала было обомлел от такого грозного соседства, но буквально через минуту, глоток за глотком, под весёлым взором Петра осушив свой фужер, мгновенно захмелев, принялся рассуждать о политике, о моде, о негоцианстве, при этом направо и налево критикуя всех Европейских монархов. Петра сильно рассмешили такие несуразные суждения подпитого купчика, и он от души потешался над ним.

– Ну-ка посмотри, как его разнесло!... Того и гляди так и до папы римского доберётся! Да и тому ещё достанется на орехи!... – откровенно веселясь, восклицал государь. А Пучок, немного поеживаясь, видя, как его экспромты о политике забавляют Петра, ещё пуще старался рассмешить того. Царь веселился на славу, то и дело, похлопывая Пучка по спине.

– Ну, даёт амстердамский гость! Ох, и заливает! – смеялся он. Ну а Пучок знай себе, разглагольствует, веселит Петра, хотя на самом деле не так уж и захмелел, а всё больше прикидывается, что пьян, да улучшает момент, когда веселье за столом до крайности дойдёт, чтоб под шумок Петру яду в бокал и подлить. Он для себя уже услышал самое важное, установил, что Пётр и дальше в Европу шагать будет, и никто его не остановит, ни шведский король, ни другой какой величественный монарх, и только он Пучок, гoblin злобный, сможет предотвратить наступление русского правителя.

И вот теперь, когда в доме царило бескрайнее веселье, и бдительность у всех ослабла, Пучок, исподлбья обведя всё застолье лукавым изучающим взглядом, решил действовать. Все дружно смеялись над его пьяными рассуждениями и нисколько не следили за движениями его рук, и лишь только один Данила, слабо улыбаясь, внимательно смотрел на этого накрашенного и расфуфыренного иностранца.

– А ведь я где-то уже видел этого хлыща,... уж больно знаком мне его голос и повадки. Ну, явно притворяется простаком,... не похож он на шута, что-то тёмное, колючее мелькает в его глазах... – перебирая у себя в уме образы всех своих знакомых, пытаюсь среди них найти этого модника, мучительно думал богатырь, не переставая пристально наблюдать за всеми ужимками странного гостя. Упрямая мысль, почему же ему так знаком этот франт не давала Даниле покоя. И вот в какой-то момент он вдруг уловил едва заметное движение гостя, тот осторожно достал из обшлага рукава флакон, и уже чуть приоткрыв его, занёс над бокалом Петра, пока сам Пётр, запрокинув голову назад, увлечённо смеялся. Данила тут же, что было прыти, метнулся к Пучку, и мгновенно перехватив его руку, откинул в сторону.

– Ты это что же тут удумал, шут гороховый!... – выкрикнул он, выворачивая у него из руки флакон.

– Я,... я ничего,... это просто духи,... я хотел освежиться и только... – испуганно выкатив глаза, залепетал Пучок.

– Освежиться говоришь, а ну тогда давай, нюхни! – воскликнул Данила и сунул ему флакон прямо под нос. Пучок чуть нюхнул и, отвернув нос, натужено чихнул.

– Ну, фот ничего,... просто сфезий запах миндаля... – пролепетал он. Данила, недоверчиво поднеся флакон к своему лицу, и сам немного нюхнул.

– Да точно, пахнет миндалем... – заметил он, и тут вдруг заговорил Никита.

– Но ведь миндалем пахнет, и тот новый яд, что приготавливает профессор химии Бунзен в Амстердаме! Ну не уж-то ты не помнишь старого немца,... он нам ещё показывал опыты с ртутью! – тут же поднявшись из-за стола и направляясь к ним, воскликнул Никита, – А ну-ка братка, отступи чуть в сторонку!... Дозволь, я этого шута поспрашиваю кой о чём... – подойдя вплотную, добавил он, и слегка пододвинув Данилу, схватил Пучка за грудки.

– А ну-ка скажи-ка мне господин заграничный, где это ты взял такие духи, что они с ядом одним цветом и запахом! Отвечай бестия, не то я из тебя сейчас же дух вышибу! – прикрикнул Никита на ошaleвшего гостя, и раз несколько порядочно его встряхнул.

– Да ты поосторожней с ним, крестник,... а то ещё ненароком покалечишь... – хотел было заступиться за испуганного иностранца царь, но тут с Пучка от такой резкой встряски слетел парик и он предстал пред всеми в своём натуральном облиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.